

СЕРИЯ

Литература

М. В. НЕЧКИНА

Художественные
ОБРАЗЫ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В. И. ЛЕНИНА

М. В. Нечкина,
академик

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОБРАЗЫ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В. И. ЛЕНИНА

Издательство «Знание» Москва 1969

Милица Васильевна НЕЧКИНА — академик, председатель проблемного Совета по изучению истории исторической науки и группы по изучению революционной ситуации в России конца 1850 — начала 1860 годов при Отделении истории АН СССР, автор монографий: «Общество соединенных славян» (1927), «А. С. Грибоедов и декабристы» (1947), «Движение декабристов», в 2-х томах (1955); участник коллективных трудов: «История пролетариата в СССР» (1930—1935), «История Москвы», т. 3 (1954), «История СССР» (1964—1968) и других, автор многочисленных статей по актуальным проблемам истории русского революционного движения и общественной мысли, а также истории исторической науки.

Ряд работ М. В. Нечкиной посвящен жизни художественных образов в произведениях К. Маркса и В. И. Ленина, роли и функции образов художественной литературы в историческом процессе.

В настоящей брошюре прослеживается жизнь художественных образов русской литературы (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин) в произведениях В. И. Ленина.

О ТЕМЕ

Приближается великая дата — столетие со дня рождения В. И. Ленина. Множество исследовательских работ посвящено изучению многогранного ленинского наследия. Среди тем, ожидающих изучения, внимание исследователя не может не возбудить тема о привлечении Лениным в его работах образов русской художественной литературы, которую Ленин так хорошо знал и так любил с юных лет. Образы эти применялись Лениным, возникали под его пером и в страстной речи, обращенной к рабочим массам, и в острой полемической статье, написанной для очередного номера партийной газеты, и в глубоком научном исследовании сложных социальных проблем. Они служат Ленину в борьбе с классовым врагом, для разъяснения важных теоретических вопросов марксистской науки, они поясняют излагаемую Лениным сложную мысль. Всюду у них — значительная рабочая функция, они нигде и никогда не служат «украшательству», «красотам слога».

Художественные образы слетались в ленинский текст со всех концов мировой литературы. Мы встречаем у Ленина Шекспира и Пушкина, Сервантеса и Гёте, Салтыкова-Щедрина и Гейне, Гоголя и Беранже. Конечно, особо богато привлечены художественные образы литературы русской: тут Пушкин, Салтыков-Щедрин, Гоголь, тут Л. Толстой, Грибоедов, Горький, Тургенев, Гончаров, Рылеев, Чехов, Державин, и это еще далеко не все.

С первого взгляда тема о художественных образах в произведениях Ленина хотя и очень интересна, но отчетливо ограничена пределами возможных выводов: сначала кажется, что она проиллюстрирует и охарактеризует лишь обширнейшее знакомство Ленина с художественной литературой, его интерес и любовь к ней; она покажет, в какой степени привлекался в ленинский текст тот или другой писатель, чьи образы чаще возникали в живой речи и под пером у Ленина

и чьи режиссеры, в каком контексте цитировал Ленин эти образы. Круг возможных выводов касается, как видно, существенных вопросов, ответы на которые получить необходимо, но, оказывается, это еще далеко не всё.

Эта тема имеет еще и другой аспект и связана с комплексом чрезвычайно важных вопросов литературоведения. Сама «соль» этого комплекса — это тот ясный и бесспорный факт, что литературные образы (все эти Собакевичи, Обломы, Молчалины, Угрюм-Бурчеевы, Маниловы, Иудушки Головлевы) живут в текстах Ленина своей особой жизнью, со своим особым «бытом», не совсем похожим на жизнь и «быт» этих героев в московских гостиных крепостной России, в просторной помещичьей усадьбе крепостного провинциального захолустья или в канцеляриях эпохи «великих реформ», где они впервые появились перед читателем волею авторов «Горя от ума», «Мертвых душ» или «Истории одного города».

Перед нами как будто старые знакомые — помпадур, Обломов, Балалайкин, Ноздрев. Но эти старые знакомые, несмотря на сохранение всех типических своих черт, получили в ленинском тексте какое-то важнейшее новое качество, подняты на новую ступень. Вы говорите: «ну, конечно, — это Иудушка» или «конечно же, — это Собакевич», но чувствуете, что речь идет все же не о старом, а о каком-то новом, усложненном в понимании своей сути Иудушке или Собакевиче. Гостиной нет, узкие стены прокопченной канцелярии раздвинуты и как бы призрачны, как и границы замкнутой помещичьей усадьбы 40-х или 60-х годов.

За отдельным «старым знакомым» с величайшей остротой, страстным гневом, ненавистью и творческой жадной разрушительности во имя созидания обрисовывается в ленинском тексте затхлая помещица, эксплуататорская Россия, и «старый знакомый» стоит перед вами с предельно обостренной своей социальной сутью, с ярко и отчетливо выраженным своим социальным существом. Иудушка — но еще страшнее, чем у Салтыкова-Щедрина; Манилов — но все же другой, гораздо острее и враждебней, чем у Гоголя. И тогда замечаете вы, что они уже не ограничены той особой «атмосферой» 30-х или 70-х годов прошлого столетия, в которой художественно рождены. Да, конечно, рождены-то они ею и она при них, но волею ленинского пера эти образы перенесены в другую эпоху. Над вашей головой веет ветер 1905 года, пылают зарево первой мировой империалистической войны, носятся вихри Октября. И Манилов — это, конечно же, гоголевский Манилов, но в то же время это уже кадет, русский либерал, за трусливым прекраснодушием прячущий лицо хитрого классового врага пролетариата. И Иудушка — это, конечно, Иудушка, но в то же время это уже ренегат Каут-

ский, предающий в угоду буржуазии интересы рабочего класса.

Осознав это, вы вступаете в область величайшего научного интереса — перед вами особая проблема: жизнь художественных образов, сотворенных в определенный исторический момент сознанием художника, напитанных соками своей, породившей их эпохи — жизнь этих образов в позднейшие эпохи.

На примере этой темы мы видим, что ленинское наследие — источник для марксистского литературоведения поистине неиссякаемый. Но не только литературоведу хочется заглянуть в творческую лабораторию Ленина и вникнуть в функцию литературного образа в ленинском тексте. Тут есть над чем задуматься и историку.

Жизнь художественного образа в историческом процессе, его функция в идейной борьбе сменяющих друг друга эпох — интереснейшая проблема. Попытаться осмыслить эту сторону в ленинском творчестве — властно привлекающая исследователя проблема. Никак не преследуя цели исчерпать ее, я хотела бы на ряде примеров попытаться раскрыть своеобразие этой исследовательской задачи, остановившись на нескольких щедринских образах и гоголевских героях в произведениях Ленина, на использовании Лениным некоторых пушкинских строк¹.

¹ Данная брошюра соединяет в себе результаты моих работ разных лет, ранее публиковавшихся в периодической печати и заново просмотренных для настоящего издания. — *М. Н.*

НЕСКОЛЬКО ОБРАЗОВ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА У В. И. ЛЕНИНА

Метаморфозы Иудушки Головлева

М. Е. Салтыков-Щедрин — один из любимейших писателей Ленина. Его образы, его выражения, иногда даже самая структура фразы, манера высказываний часто встречаются на страницах ленинских работ.

Возьмем хотя бы Иудушку Головлева.

Иудушка Головлев — литературный тип лицемера мирового значения. В галерее типов мировых лицемеров он имеет своеобразное лицо с резко выраженными характерными чертами. Из всей этой галереи он — самый отвратительный и самый страшный. Краски, которыми Мольер писал Тартюфа, кажутся почти светлыми по сравнению с теми, которые понадобились Салтыкову-Щедрину для Иудушки Головлева. Реакция самого Мольера как автора на созданный им тип лицемера — иронический презрительный смех — просто светел по сравнению с той тяжелой ненавистью и непереносимым отвращением, которыми горит Салтыков-Щедрин, рисуя своего лицемера. Поле деятельности Тартюфа ограничено в основном рамками одной семьи. Поле деятельности Иудушки Головлева тоже ограничено, но рамки его значительно шире — это помещичья усадьба, деревня, город, необъятная широта провинциального захолустья. Иудушка вырезан Салтыковым-Щедриным из такой мрачной гущи российских крепостнических отношений, которая насытила его в совершенно исключительной степени социальным содержанием. Это — страшный хищник эпохи разворота «великих реформ», пореформенный эксплуататор, безжалостно и бесстыдно сосущий мужика, истязатель и мучитель безответного человека; это

отвратительное нутро эксплуататора-хищника прикрито елейно-благочестивым говорком о любви к «ближнему» — к «мужику», омерзительно лживыми речами о благочестии, добродетелях и всяческом благородстве. Гораздо труднее победить в открытой борьбе Иудушку, чем скажем, Собакевича. Последний по крайней мере грубо откровенен и прост. К первому же надо пробиться через густую сеть отвратительной и сложной маскировки. И вот Иудушка возникает на страницах ленинского текста. Это — страшный классовый враг, искусно маскирующийся и потому особо опасный.

Девяностые годы. Подъем рабочего движения. Зарождение партии пролетариата. Борьба за соединение рабочего движения с марксизмом, рост стойкой, политически осознанной борьбы рабочего класса. Перед пролетариатом в качестве очередной задачи стоит борьба с самодержавием, борьба с крепостническими пережитками и с крепостническими учреждениями, тяжким ярмом лежащими на нем и задерживающими успешную борьбу за революционную ликвидацию всего капиталистического строя. 1894 год. Ленин пишет «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ленин разъясняет причины, по которым пролетариат, чьей исторической миссией является разрушение капитализма, должен в российских условиях ближайшей своей целью поставить борьбу с самодержавно-крепостным строем. Маскирующаяся фиговым листком народолюбия отечественная бюрократия — опаснейший враг, с которым надо умело бороться. «Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономического слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западноевропейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз»¹.

Итак, в ленинском тексте 90-х годов образ Иудушки послужил обобщенным образом всей российской бюрократии в целом. Социальное содержание образа крайне заострилось и расширилось. Лицемерный захолустный помещик эпохи «великих реформ» вдруг, растворившись в своих второстепенных конкретных чертах, принял образ огромного кол-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 301.

лективного врага рабочего класса, класса, который последовательно борется за конечную победу социализма.

Только что пронесся шквал героического девятьсот пятого года. Подавлено декабрьское вооруженное восстание в Москве. Лицемерная и бессильная Дума встает на пути революционного народа. Основная задача партии революционного пролетариата, основной лозунг, который надо довести до сознания борющегося рабочего класса,—это лозунг «борьба продолжается». Пусть сокрушены героические московские баррикады—это временная неудача, борьба идет, борьба продолжается, и разрешится она вне стен жалкой говорильни—Государственной думы, которой объявлен большевиками бойкот. Дума будет кадетской. Лицемерная партия «народной свободы» (так называли себя кадеты) будет выполнять свою миссию—миссию удушения революции, сведения ее на нет и прикрывать эту миссию елейными фразами об «излишней» в настоящий момент борьбе. «К чему борьба, зачем междоусобицы? говорит Иудушка-кадет, вознося очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ, и на контрреволюционное правительство. Братия! Возлюбим друг друга! Пусть будут и волки сыты и овцы целы, и монархия с верхней палатой неприкосновенны и «народная свобода» обеспечена»¹. Так, в апреле 1906 года в работе Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» образ Иудушки Головлева становится образом трусливого либерала-предателя революции 1905 года. Острее классовое содержание образа, отчетливее классовая его суть предателя и врага трудящихся.

Еще сильнее тот же образ Иудушки-кадета, предателя революции, заострен Лениным в 1907 году. В статье «Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры» образ Иудушки Головлева—главный и художественный центр статьи. И тем интереснее это поднятие образа на высшую ступень социальной заостренности, что Ленин связывает его с проблемой нового Щедрина и «новых» щедринских глав к «Господам Головлевым». Этот образ в новой его трактовке, в обстановке побеждающей реакции после революции 1905 года, дорисовывает сам Ленин. Он дорисовывает его не только «публицистическими», но и непосредственно художественными средствами: Иудушка рассуждает и действует, и Ленин с непередаваемой страстью говорит о своей ненависти к нему. «Жаль, что не дожил Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Головлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 287—288.

чарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на «отсутствие фактов»? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали по-прежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь злобредным мечтам о «поэзии борьбы».

Черносотенцев трудно ненавидеть: чувство тут уже умерло, как умирает оно, говорят, на войне после длинного ряда сражений, после долгого опыта стрельбы в людей и пребывания среди рвущихся гранат и свистящих пуль. Война есть война,—и с черносотенцами идет открытая, повсеместная, привычная война.

Но кадетский Иудушка Головлев способен внушить самое жгучее чувство ненависти и презрения. Ведь этого «либерального» помещика и буржуазного адвоката слушают, слушают даже крестьяне. Ведь он действительно засоряет глаза народу, действительно отупляет умы!..

Это ты, Иудушка! День, когда секомые вместо «дебатов» будут молчать, теряя сознание, когда старая помещичья власть (*подкрепленная* «либеральными» реформами) будет так же обеспечена помещикам, как обеспечен либеральным Иудушкам обед днем, а театр вечером,—этот день будет днем окончательного торжества «народной свободы». День, когда контрреволюция восторжествует окончательно, будет днем окончательного торжества конституции...»¹.

Эпоха «Звезды» и «Правды». Борьба за партию. Борьба с ренегатством ликвидаторов, разоблачение примиренчества и отзовизма, борьба с соглашательскими попытками беспринципного «объединения» партии на почве блока с ликвидаторами. Образ Иудушки Головлева вновь появляется у Ленина в 1911 году в борьбе с Троцким.

«Иудушка Троцкий распиался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию (на редактируемую им, якобы, нефракционную газету «Правда». — М. Н.)... Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärt» ликвидаторские статьи. Вопреки прямому решению назначенной пленумом Школьной комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот опубликован теперь группой «Вперед» в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей пар-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 213, 214.

тийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого»¹.

Прошел уже год, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Впервые в мире пролетариат пришел к своей всемирно-исторической победе, к осуществлению исторической миссии рабочего класса — революционному разрушению старого капиталистического мира и начал созидать новое — социалистическое — общество. Октябрь — ноябрь 1918 года. Бушует гражданская война. Молодая диктатура пролетариата окружена мечущимися в бешенстве врагами. Один из них — злобный и ядовитый, норовящий смертельно ранить молодую Страну Советов — международная ренегатская, предательская социал-демократия. Ее вождь Карл Каутский публикует позорный, лживый, брызжущий злобой памфлет «Диктатура пролетариата». В ответ на это Ленин пишет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Вновь входит в ленинский текст образ Иудушки Головлева, но входит с еще более обостренным социальным содержанием классового врага пролетариата, предателя его интересов на крупнейшем всемирно-историческом этапе — в период первых шагов победившей пролетарской революции. Иудушка — это Каутский. Он возмущен, например, исключением правых эсеров и меньшевиков из состава Советов. Это ведь не «предусмотрено», это «произвол»!

«Да, это в самом деле ужасно, это нестерпимое отступление от чистой демократии, по правилам которой будет делать революцию наш революционный Иудушка Каутский. Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савинковым и К^о, Либердамам с Потресовыми («активистам») и К^о, потом написать уголовное уложение, объявляющее «наказуемым» участие в чехословацкой контрреволюционной войне или союз на Украине или в Грузии с немецкими империалистами *против* рабочих своей страны, и только *потом*, на основании этого уголовного уложения, мы были бы вправе, согласно «чистой демократии», исключать из Советов «определенных лиц»².

Мы бегло проследили жизнь образа Иудушки Головлева в текстах Ленина на этапах: 90-е годы, 1905—1907 годы, 1911 и 1918 годы. Мы видим, как обостряется социальная сущность художественного образа в цитировании Ленина, как поднимается им образ каждый раз на новую ступень, как выявляет он в себе новые классовые черты.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 96.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 287.

«Севрюжина с хреном» и щедринское «Но! ..»

Тот же процесс можно проследить, анализируя образы Балалайкина, Угрюм-Бурчеева, щедринского Молчалина и других героев в текстах Ленина.

И не только героев. Целый сонм острых щедринских выразителей живет той же жизнью в ленинских текстах, заостряя свою социальную суть, свой классовый смысл. Живет, например, «севрюжина с хреном». Ее первой «квартирой» были «Культурные люди» Салтыкова-Щедрина. Уже там она играла роль разоблачения гаденького и трусливого русского либерала: «Я сидел дома и, по обыкновению, не знал, что с собою делать. Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать»¹. Но, несмотря на величайшую сатирическую насыщенность этого образа, его социальная функция в эпоху Салтыкова-Щедрина не была столь заостренной, как в ленинском тексте. В эпоху реакции, после подавления революции 1905 года, разоблачение помещика, добившегося «не столько конституции, сколько севрюжины с хреном...»², было разоблачением более опасного врага, чем раньше.

В щедринскую эпоху помещичья «конституция», приравненная к севрюжине с хреном, была своего рода политической деталью, рисовавшей лишь воображению помещика. В эпоху озверелой реакции после революции 1905 года эта конституция была уже действительностью и являлась одним из средств подавления революции.

Изменилась эпоха, резко изменилась ситуация и расстановка классовых сил, и знакомый образ прозвучал иначе — звончей, острей, разительней — и выполнил роль оружия против врага, нападавшего с большей силой и представлявшего собой гораздо большую, чем раньше, опасность.

Такой же полноправной жизнью отдельного «героя» живет маленькая и скромная часть речи, один союз — знаменитое щедринское «но», означающее: «уши выше лба не растут».

Оно встречается у Ленина именно в разоблачениях трусливой политики либералов, лицемерных «научных» рассуждений «друзей народа», всяческих соглашателей и ограниченных политиканов. «В «Капитале» есть блестящие страницы исторического содержания, — цитирует Ленин Михайловского, — **но** (это замечательное «но»! Это даже не «но», а то знаменитое «mais», которое в переводе на русский язык зна-

¹ Н. Щедрин. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., в 20-ти т. Т. XI, стр. 497.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 53.

чит: «уши выше лба не растут»)....»¹. Но... Михайловскому не нравится, что экономический анализ, анализ Маркса, относится только к одной эпохе капитализме. «...Г. Михайловский,— иронически заключает Ленин,— хочет объять все периоды и притом так объять, чтобы не говорить в частности ни об одном»².

Мы видим, что знаменитое щедринское «но» привлечено в творческий разоблачающий народников текст в качестве литературного оружия. На долю маленького «но» выпала, таким образом, почетная роль — бороться в 90-е годы в ленинском тексте против фальшивых «друзей народа», разбить которых было необходимо для дальнейших побед пролетариата и его партии.

Итак, волей Ленина образы русской литературы привлечены к борьбе за дело пролетариата. Они агитируют, разоблачают, клеймят позором предателей, разъясняют классовую сущность пролетарских врагов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 147.

² Там же, стр. 147—148.

ГОГОЛЕВСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

В произведениях Ленина живут многие гоголевские образы. Живут они совместно со многими другими писательскими образами, иногда встречаясь с ними в одной строке, иногда возникая отдельно. Есть особый смысл в этих встречах. Когда скромный обладатель новой шинели Акакий Акакиевич встречается с чеховским «человеком в футляре», приравненный к нему как тип, или «исторический» Ноздрев встречается сразу и с Тартюфом и с Иудушкой Головлевым, становится с ними в один ряд, приравнивается к ним в своем социальном значении, то даже не литературовед начинает испытывать волнение, безусловно, литературоведческого порядка — уж очень многозначительны эти литературные встречи.

Гоголевский, щедринский или мольеровский образ живет в тексте Ленина своей *особой* жизнью. Он хорошо и быстро узнается как давно известный мольеровский Тартюф или бесспорный старый знакомый — Манилов или Собакевич. Но, сохраняя старые черты, знакомые еще со школьной скамьи, он *глубоко нов*, он какой-то *другой* и наполнен *обновленным* содержанием. И нов не только он — нова и окружающая его атмосфера, нова его социальная позиция как образа. Если он встретится вновь в другом ленинском контексте, в другой статье Ленина, возникшей в иные годы, он будет еще раз *другой*, во второй раз и в новом смысле — *новый*. Новая жизнь художественного образа в тексте Ленина, смысл и законы этой жизни и социально новое содержание образа — вот основная и наиболее интересная задача в изучении темы о гоголевских образах в произведениях Ленина.

Ленин о Гоголе

Гоголь — один из очень часто цитируемых Лениным писателей. Первенство в этом отношении, правда, принадлежит не ему, а Щедрина. Но на втором месте идет, по-видимому, все же Гоголь. Мы встретим на страницах Ленина двадцать четыре гоголевских типа — тут Манилов, Ноздрев, Хлестаков, Собакевич, Коробочка, Иван Иванович и Иван Никифорович, Тряпичкин, Петрушка, Осип, Бобчинский и Добчинский, Иван Федорович Шпонька, Держиморда, Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, городничий, Чичиков, Акакий Акакиевич, сумасшедший Поприщин, Кифа Мокиевич, разборчивая невеста Агафья Тихоновна, унгер-офицерская вдова и даже дама, приятная во всех отношениях. Встречаются также общие высказывания о Гоголе, указание на письмо Белинского к Гоголю и обобщенные упоминания о «гоголевских типах» и «чиновниках из гоголевских типов»¹. Большинство упоминаний возникает непосредственно как исходящие от Ленина; в других случаях Ленин берет гоголевский тип из цитаты противника и дает образу в дальнейшем тексте свое толкование. Встречаются и гоголевские речения — различные меткие словечки городничего или «порох в пороховницах» Тараса Бульбы. Всего гоголевских цитат и упоминаний у Ленина свыше сотни. Характерно, что наибольшее число гоголевских упоминаний у Ленина (около 40) приходится на Манилова и «маниловщину». Кульминации упоминаний гоголевских образов у Ленина (с точки зрения частоты) приходится на годы революционного подъема. Это и понятно, если принять во внимание острую разоблачительную роль гоголевских образов в ленинском тексте. Замечательно, что, так сказать, хронологической осью цитирования является 1905 год. Именно период 1904—1906 годов стягивает к себе основную массу гоголевских упоминаний у Ленина. Один Манилов в 1905 году упоминается 12 раз.

Остановимся предварительно на тех общих характеристиках творчества Гоголя, которые имеются у Ленина. Сопоставление их порождает один чрезвычайно сложный вопрос: высказывания эти с первого взгляда воспринимаются как противоречивые.

Три раза Ленин говорит о знаменитом письме Белинского к Гоголю (1847 г.). Как известно, в этом письме Белинский — резкий антагонист Гоголя. Гоголь — автор «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь — обскурант и реакционер — резко разоблачается Белинским. Оба они стоят по разные стороны баррикады. Белинский — на стороне революционной, резко антиправительственной, Гоголь — на сто-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 180; т. 35, стр. 197.

роне правительства. Они — враги. Именно в смысле *противопоставления* этих двух сторон баррикады говорит Ленин о письме Белинского к Гоголю. Ленин дает глубокий классовый анализ позиции Белинского: письмо Белинского к Гоголю ставится им в обстановку нарастающего крестьянского движения 40-х годов, борьбы крепостного крестьянства против помещиков. Разоблачая реакционную сущность «Вех» в 1909 году, раскрывая всю низость и гнусность предательства революции либеральными буржуа, Ленин горячо и страстно опровергает «веховское» толкование письма Белинского к Гоголю, которое герои либерального предательства усердно тащили в свой арсенал. Ленин пишет:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения»... «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар»...».

«Так, так, — комментирует Ленин, — Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»

«Московские Ведомости» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

«Программа «Вех» и «Московских Ведомостей», — продолжает Ленин, — одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть *всю* свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического мирозерцания), а в публицистике они веляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политики желают сохранить название «демократов».

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения»¹.

Из этого ленинского текста ясно, что Белинский — представитель революционного демократизма, что он теснейшим образом связан с революционной борьбой крепостного крестьянства против помещиков. Поскольку Белинский в этом письме — антагонист Гоголя, последний как автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» оказывается на противоположной стороне баррикады. Сжато и отчетливо говорит Ленин о письме Белинского к Гоголю в статье «Из прошлого рабочей печати в России». «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»².

Здесь та же квалификация Белинского как представителя революционного демократизма и, следовательно, та же оценка Гоголя как автора реакционных «Выбранных мест...».

В резком противоречии с этими оценками оказывается с первого взгляда последнее общее высказывание Ленина о Гоголе в статье «Еще один поход на демократию» (1912). Прочитывая известные слова Некрасова из «Кому на Руси жить хорошо» о «желанном времечке», когда народ «Белинского и Гоголя с базара понесет», Ленин пишет: «Желанное для одного из старых русских демократов «времечко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...

...Какое «беспокойство!» — воскликнула мящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела *на деле* этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю»³.

Тут, бесспорно, утверждаются два положения: первое — революционность Белинского, опять-таки *противопоставленная* реакционности Гоголя, периода «Выбранных мест...» — в указании на письмо Белинского к Гоголю, которое несет с

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169—170.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 83.

базара «народ»: именно этот факт и вызывает беспокойство «ожиревшей, самодовольной, либеральной свиньи»; второе положение — это не менее бесспорное *приравнение* «идей Белинского» идеям Гоголя, но уже как автора «Тараса Бульбы», «Шинели», «Мертвых душ» «Ревизора» — указание на то, что как идеи Белинского, так и идеи Гоголя должны быть дороги и Некрасову и «всякому порядочному человеку», трактовка *и Гоголя и Белинского* как бойцов, стоящих *по одну сторону* баррикады.

Если в первом случае речь идет о Гоголе — авторе «Выбренных мест из переписки с друзьями», то во втором случае речь идет о Гоголе — авторе «Ревизора» и первого тома «Мертвых душ». Объективная антикрепостническая тенденция последних позволила Ленину применить их в качестве острейшего идеологического оружия в революционной борьбе. Анализ вложенного Лениным нового *политического* содержания в гоголевские образы дает нам ответ и на этот — последний в ряду приведенных выше — вопрос: имеется ли противоречие в этом высказывании Ленина, в чем смысл противопоставления идей Белинского идеям Гоголя, с одной стороны, и одинаковой трактовки их как демократических и равноценных — с другой?

Анализ жизни гоголевских образов в произведениях Ленина поможет нам ответить на все эти вопросы.

Четыре превращения *Манилова*

Прекраснодушный, тихий, мягкий, приторно-сладкий, слегка заискивающий прожектёр Манилов подан Гоголем в тонах более или менее мягкого юмора. Он вежлив, он чадолобив, он мечтателен, он бездельник, он приторно-нежный супруг и сладко-гостеприимный хозяин. Он поставлен в круг таких явлений, которые проясняют и вызывают на поверхность характеристики именно эти его качества. Его окружают тихая крепостная провинциальная глушь, деревни, избы, сад, разбитый на английский манер, беседка с голубыми деревянными колоннами и надписью «храм уединенного размышления». События вокруг него развиваются в чрезвычайно медленных, черепаших, крепостных темпах. Они собственно даже не развиваются, а топчутся на месте: бабы *бредут* в его пруде, *влача* изорванный бредень, где видны два *запутавшиеся* рака, закладка *два года лежит* в книге на четырнадцатой странице, кресла, на которые не хватило материи, *уже несколько лет стоят* без обивки; тот же темп у хозяина и гостя, бесконечно пропускающих друг друга вперед и топчу-

щихся перед дверями гостиной. Историческая обстановка провинциальной глуши 30-х годов не выявляет вредных качеств Манилова. Он чуть ли не «симпатичнее» других в помещицкой портретной галерее «Мертвых душ».

Мы впервые встречаем Манилова у Ленина в обстановке идеологической борьбы эпохи промышленного подъема 90-х годов. Растет рабочее движение. Пролетариат — могильщик капиталистического общества — осознает себя как класс. Зарождается партия пролетариата — авангард класса, вождь и руководитель. Развернута огромная напряженная идеологическая работа под лозунгом вооружения рабочего движения марксизмом. Рабочее движение переходит на новую, более высокую ступень. Борьба за победу марксизма в рабочем движении, за выдержанную революционную идеологию — очередная задача. Утопический оппортунист и реакционный романтик-народник, который сменил в 90-е годы народника-революционера 80-х годов — один из опаснейших врагов на идеологическом, а стало быть, и революционном фронте. Этот народник — новый Манилов. Его интеллигентские прекраснотушие и утопическое прожектерство проявляются во всей своей вредности; они враждебны идеологической выдержанности, которой авангард класса должен обладать во всей полноте. Нарастает острая борьба. Уже чувствуется приближающееся дыхание революции пятого года.

Крупная дата истории партии — 1894 год. Ленин пишет свое историческое произведение: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Именно на страницах этой работы впервые появляется у Ленина гоголевский Манилов.

Обстановка, в которой действует народник-Манилов, — это редакция «Русского Богатства» или «Русских Ведомостей». Сюда бежит со своей статьей господин Левитский, который живет в деревне и имеет постоянное «общение с народом».

«Русские социалисты», сиречь народники, «не хотят понять, что мечтать о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества — значит впадать в маниловщину, не хотят понять, что следует стараться о придании организованности и сознательности этой борьбе и для этого взяться за социал-демократическую работу»¹. Господин Левитский думает, что создание в деревне сберегательных касс и страхование мужицкой жизни — радикальнейшие средства для ликвидации тяжелого положения российского крестьянства. Недогадливые мужики и не сообщают, что страхование жизни спасет от обнищания их семьи, когда они останутся без кормильца.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 334—335.

«...«Высокий слог», которым писана статейка г-на Н. Левитского, и обилие высоких слов заставляют уже наперед ожидать, что речь идет о каких-нибудь действительно важных, неотложных, насущных вопросах современной жизни. На самом же деле, предложения автора дают лишь еще один, и чрезвычайно рельефный, пример того поистине маниловского прожектерства, к которому приучили русскую публику публицисты народничества». И далее — обобщающий вывод: «Манилов сидит в каждом народнике»¹.

Заметим, что у народника-Манилова уже гораздо больше прожектов, нежели у Манилова из «Мертвых душ». Очевидно, обстановка промышленного подъема 90-х годов и бурно растущего рабочего движения более располагает к прожектам, чем тихое дремотное усадебное бытие провинциальной глуши крепостной России. В одной из статей того же года мы встретимся еще с прожектом насаждения в деревне кредитных товариществ, которое, по мнению народника Манилова, одно лишь может спасти «народное производство» от неприятностей надвигающегося капитализма. Эти кредитные мероприятия окажутся, по выражению Ленина, «мертворожденным детищем, которое могли породить только мечтательные интеллигенты-маниловы и благожелательные чиновники...»². Разговоры о кустарном банке, который-де разовьет «народное производство», — не что иное, как «маниловское празднословие предпринимателей, ходатайствующих о ссуде»³.

Прожекты гоголевского Манилова были сравнительно безвредны. Был бы выкопан ни с того ни с сего подземный ход вокруг помещичьего дома Манилова или не был бы выкопан — от этого во всяком случае никому не было бы ни тепло, ни холодно, кроме крепостных мужиков, которых он заставил бы копать этот ход. Но далеко не так «безвредны» прожекты Манилова-народника. Эти мечтательные прожекты активно реакционны, они тянут историю назад, они объявляют капитализм чем-то «оторванным от народного производства», они стремятся приглушить развивающуюся в стране классовую борьбу, они идеологически разоружают крестьянство, которое под руководством пролетариата поднимается навстречу приближающейся революционной буре. «Маниловские речи» народников-экономистов возводят в добродетель приниженность мелкого производителя, в то время как с нею необходимо решительно покончить — она тормоз революционной борьбы. Манилов-народник насыщен гораздо более острым социальным содержанием, чем Манилов из

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 425, 431.

² Там же, стр. 422.

³ Там же, стр. 405.

«Мертвых душ». Он намного вреднее своего крепостного родителя. Он и подан Лениным в плане сатирического разоблачения вредного реакционера, вставляющего палки в колеса революционного движения, мешающего выполнению задачи колоссальной важности — задачи соединения рабочего движения с марксизмом.

Итак, Манилов 90-х — начала 900-х годов у Ленина — это народник. Можно даже точнее сказать: Манилов-народник разоблачается в ленинском тексте с 1894 по 1901 год.

Революция 1905 года ведет за собой метаморфозу Манилова. Ленинские страницы, овеянные грозным дыханием этого года, дышащие первым натиском подлинно массовой бури, когда во главе восставших масс в России впервые стал пролетариат, дают нам нового Манилова, не похожего на мечтательного Манилова-народника. Самое любопытное — перед нами не один новый Манилов, а сразу два. Один Манилов — либеральный буржуа, сладко-гласный адвокат интересов капитала. Второй же Манилов пролез в РСДРП. Это — социал-демократ-оппортунист, меньшевик. Эта двойная метаморфоза Манилова — глубочайшая диалектика маниловского существа, развернутая Лениным. Единство обоих Маниловых, слияние и либерального буржуа и оппортуниста-социал-демократа в едином художественном образе — вот замечательнейшая черта ленинской трактовки гоголевского образа.

Единство это, может быть, не сразу покажется заметным. Манилов-социал-демократ в 1904 году говорит сладкие речи о необходимости слияния партии и рабочего класса. Каждый рабочий — член партии.

Канун революции 1905 года. Борьба за слитную, единую, выскосознательную партию — авангард класса — очередная, важнейшая задача. «Мы — партия класса, — разоблачает Манилова Ленин, — и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии»¹. «Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что *каждый стачечник* может быть социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над сенью и очень широкими слоями «необученных», неквалифи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 245.

цированных рабочих»¹. Так разоблачает Ленин социал-демократического Манилова в работе «Шаг вперед, два шага назад». Идет острая, напряженная борьба за сомкнутую, организованную, идеологически спаянную воедино, выдержанную, подлинную партию пролетариата.

Революция 1905 года, август. Еще недолго — и вспыхнет первая всероссийская всеобщая стачка. Еще несколько месяцев — и поднимутся декабрьские баррикады героической Красной Пресни. Социал-демократический Манилов не понял своей оппортунистической роли даже перед лицом таких событий. Царское правительство, напуганное массовым движением, думает отделаться жалкой подачкой — куцой Государственной думой. Но основной путь революции — вооруженное восстание. Важнейшая идеологическая борьба — разоблачение буржуазного предательства и самодержавного существа куцой Думы. В этот момент лозунг бойкота Думы — большевистский лозунг. Меньшевики, и Мартов в том числе, не понимают революционной сути этого лозунга. Они тянут революцию назад, протаскивают идею соглашения с буржуазией. Статья Мартова на эту тему — «образец «социал-демократической маниловщины»². Меньшевистские проекты выборов в Думу при отказе борьбы с самодержавием выгодны буржуазии: «Маниловские планы «выборов» при сохранении власти за самодержавием *всецело на руку либеральной буржуазии*, которая одна только способна произвести хоть нечто, приближающееся к таким выборам»³, — разоблачает Ленин планы меньшевика Манилова в статье «Самое ясное изложение самого путаного плана».

Если в предыдущих строках Манилов вполне мог носить двойную фамилию Манилов-Мартов, то через несколько десятков страниц он может называться Маниловым-Парвусом, что, впрочем, ничуть не меняет его оппортунистического меньшевистского существа. Попытка Парвуса соединить лозунг вооруженного восстания с лозунгом выборов в Думу разоблачена Лениным: «Соединять лозунг восстания с «участием» в выборах Фомы или Ивана значит, под предлогом «широты» и «разносторонности» агитации, «гибкости» и «чуткости» лозунгов вносить одну путаницу, ибо на практике это соединение есть маниловщина»⁴. «Говорить о всенародных выборах при господстве Треповых, т. е. до победы восстания, до фактического свержения царской власти, есть величайшая маниловщина, способная лишь внести невероятный политический разврат в головы рабочих»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 246.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 198.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 257.

⁵ Там же, стр. 363.

Октябрь 1905 года, месяц всеобщей стачки. Ленин во главе партии борется за лозунг вооруженного восстания. И вновь в этот момент социал-демократический Манилов — враг этого лозунга. Он не хочет бороться за восстание, *организовать* восстание — он болтает о каком-то якобы «естественном переходе» к восстанию.

«Восстание — очень большое слово, — пишет Ленин, — ...С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделиваться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьезных задач маниловскими выдумками, надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов о якобы «естественных переходах» к этим трудным задачам»¹. «Почтеннейшие Маниловы»-меньшевики заняты сочинением каких-то никому ненужных «новых побудительных мотивов для восстания», в то время как дело не в этих «мотивах», а в *вооружении* пролетариата.

Ноябрь 1905 года. Еще несколько дней — и московские баррикады будут залиты кровью рабочих. Еще немного — и Ленин напишет слова: «Растет восстание», начиная статью «Умиравшее самодержавие и новые органы народной власти». Меньшевик Манилов не унимается. Он хлопочет и о «всей полноте» власти Учредительному собранию, и об... объединении «крайних» партий с умеренными: «Это маниловщина, почтенные демократы из буржуазии, — разоблачает их Ленин, — когда вы, с одной стороны, признаете желательность того, чтобы учредительное собрание имело всю «полноту» власти, а с другой стороны, пытаетесь соединить крайние партии с «умеренными», т. е. желающих такой полноты с нежелающими»².

Восстание разгромлено. Революция подавлена. Но 1906 год — все же революционный год. Высоко вздымается волна крестьянского движения. Восстание — лозунг революционной социал-демократии. Столкновение масс с самодержавием в открытом бою, на улицах городов, в деревне, закабаленной крепостническими пережитками, — вот основная линия партии, вот ведущая форма массовой борьбы. Эта борьба будет разрешена вне Думы и помимо жалкой говорильни-Думы. Это ясно революционеру, но другого мнения социал-демократический Манилов. Он вновь поднимает свою вредную суетню вокруг Думы, болтает о ней как об органе власти. Между тем «все толки о Думе как «органе власти, который созывает учредительное собрание», — одна вредная маниловщина, один обман народа»³. И, конечно же, социал-демократический

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 366.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 122.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 357.

Манилов — ликвидатор! Он за разрушение подпольных партийных организаций и за ликвидацию подлинной пролетарской партии. Зачем она? Нужна-де «открытая социалистическая партия». «О тех объективных исторических условиях, которые делают восстание *неизбежным*, — которые вопреки всем предрассудкам темной массы навязывают ей во имя ее насущных интересов борьбу именно с монархией, — которые превращают маниловские вздохи об «открытой социалистической партии» в воду на мельницу гг. Ушаковых (агентов Зубатова. — М. Н.), — об этих объективных исторических условиях гг. Пешехоновы не думают»¹.

Итак, меньшевик Манилов в канун 1905 года и в ходе его нарастающих революционных событий все время делал основное дело: тихонько лил воду на мельницу врагов революции, подпевал либеральным буржуа, подыгрывался к денежному мешку и его интересам. Он был как бы двойником своего родного брата — другого Манилова, буржуазного либерала. Его небольшие модификации, легкие отличия от этого брата-близнеца были подобны колебаниям отражения в воде. У него *в конце концов* было единое классовое существо со своим двойником. Глубоко показательно ленинское сопоставление терминов «маниловщина либеральная и маниловщина революционная» — такой подзаголовок даст Ленин в плане статьи «Бойкот булыгинской Думы и восстание»². Недомыслие социал-демократических Маниловых выражало сокровенные мысли Маниловых-либералов — в этом суть.

Расшифровку этого наброска мы много раз найдем на страницах законченных ленинских работ. Если двойная фамилия первого близнеца слагалась из частей Манилов-Мартов или Манилов-Парвус, то второй близнец мог называться двойной фамилией Манилов-Петрункевич. Первый орудовал, например, в меньшевистской «Новой Жизни», второй — в «Освобождении», органе либерально-монархической буржуазии. Первый боролся с идеей вооруженного восстания в тревожном августе пятого года. Второй, не представляя на этот раз даже таких незначительных отличий, как отличие в фамилии или в названии журнала, тоже боролся с идеей вооруженного восстания в том же тревожном августе пятого года.

«Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, как этого идеолога трусливой буржуазии, — пишет Ленин о Петрункевиче и его статье в «Освобождении» — уверяющего, что проповедь восстания «деморализует» и армию

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 404.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 397.

и народ! Это говорится в такое время, когда слепые видят, что только восстанием может русский обыватель и солдат спасти себя от окончательной деморализации и доказать свое право быть гражданами! Буржуазный Манилов рисует себе аркадскую идиллию, как под давлением одного только «общественного мнения», «правительство будет вынуждено делать все новые и новые уступки, пока, наконец, ему некуда будет идти дальше...»¹. Философия буржуазного Манилова характеризуется как «гениальная философия пресмыкающейся буржуазии». Увести массы от восстания, загородить для масс дорогу восстания для того, чтобы власть «мирно» перешла к буржуазии — вот классовый смысл этой философии. «Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы»²

Итак, второе «поколение» Маниловых в ленинском тексте, внуки гоголевского Манилова — это два близнеца Манилов-буржуа и Манилов-социал-демократ-меньшевик. Их буржуазное существо едино. Недомыслие второго выражает зачатые мысли первого. Командует в этой паре первый Манилов, Манилов-буржуа. Социальная насыщенность гоголевского образа стала глубоко иной. Острота образа невероятно возросла. Образ вознесен Лениным на новую историческую ступень — на ступень буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую. Социальная функция образа стала новой, центры резко переместились. Прекраснодушная мечтательность и прожектерство, мягкость и вежливость — это ширмы буржуазного Манилова, не больше. Он хищен и кровожаден, он — идеолог денежного мешка, против которого построились баррикады Красной Пресни. Его *эксплуататорская суть*, скрытая в образе Гоголя, с величайшей яркостью вскрыта в ленинской трактовке. Но мы узнаем именно *Манилова* и на этом этапе — в этом тайна художественного образа.

1912 год. Эпоха подъема революционного движения. Мирровая империалистическая бойня вспыхнет всего через два года. Обостренность классовых противоречий эпохи империализма сказывается все резче. Классовые силы все отчетливее стягиваются к двум сторонам баррикады. Новый — уже третий — «правнук» Манилов возникает перед нами на этапе 1912—1914 годов. Любопытно, что он имеет одно весьма серьезное сходство с своим прадедом: у них общее социальное происхождение. Манилов этапа 1912—1914 годов — дворянин, как и его прадед. Это новое качество Манилова

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 173.

² Там же, стр. 174.

сначала указывается Лениным в порядке исторической реминисценции. 1912 год был годом юбилея Герцена. Отнять Герцена у торжествующей либеральной клики, доказать, что, несмотря на все колебания между либерализмом и демократизмом, «демократ все же брал в нем верх» — важная задача. Разоблачение крепостнического существа либерального «культурного» дворянства вообще — одна из острейших разоблачительных тем Ленина в эти годы. Единый фронт крепостнического дворянства и буржуазии, смыкающийся перед лицом растущего рабочего движения, вызвал к жизни эту разоблачительную ленинскую тему. Характерна поэтому та дворянская компания, куда попадает Манилов в 1912 году в качестве равноправного члена: «Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых»¹. Сопоставление, как видим, чрезвычайно многозначительное: это единый дворянско-крепостнический эксплуататорский ряд.

В 1914 году имя Манилова соединяется с громкой фамилией князя Трубецкого, одного из идеологов русского буржуазного либерализма.

Столыпинская политика как оплот против народного массового движения 1905 года — вот что объединяет в эти годы и крупного помещика-дворянина, и буржуа, и кадетского адвоката. «Один из таких самых серьезных вопросов — столыпинская аграрная политика», — говорит Ленин в статье «Сиятельный либеральный помещик о «новой земской России» и цитирует князя Евгения Трубецкого, считающего столыпинщину опорой против пугачевщины. «Уже словечком «пугачевщина», — продолжает далее Ленин, — наш либерал обнаруживает свое полное согласие с Пуришкевичами. Разница только та, что Пуришкевичи произносят это слово свирепо и с угрозами, а Трубецкие по-маниловски, приторно, мягко, с фразами о культуре, с отвратительно-лицемерными возгласами о «новой крестьянской общественности» и «демократизации деревни», с умильными речами о божественном»².

На этапе 1912—1914 годов к новому Манилову — представителю единого контрреволюционного фронта — стягиваются все черты его предков Маниловых. Мы встретим на этом этапе вновь «Манилова-народника» и «Манилова-меньшевика», только еще более разоблаченных в своем классовом

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255. В кавычках Ленин приводит цитату из статьи Герцена «Концы и начала».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 316.

существо врагов складывающейся революционной ситуации. Крайне характерно, что именно на этом историческом этапе мы находим у Ленина развернутую характеристику маниловщины в целом как социального явления. Мы уже видели элементы этого определения в характеристике маниловской манеры князя Трубецкого, где Ленин не ограничился краткой характеристикой — «маниловский», термином «по-маниловски» и т. п., как делал обычно раньше, а подробнее раскрыл качества маниловщины, перечислив их и сведя их к острому социальному итогу: дворянской боязни новой пугачевщины.

В 1913 году в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» Ленин, разоблачая «народнический социализм», дает и общую характеристику маниловщины: «Марксисты издавна считали своей задачей, в борьбе с народничеством, разрушать маниловщину, слащавые фразы, сентиментальную надклассовую точку зрения, пошлый «народный» социализм, достойный какого-нибудь французского, прожженного в деляческих подходах и аферах «радикал-социалиста»¹. В ту же эпоху, при разоблачении буржуазного существа экономических исследований одного из правых лидеров германской социал-демократии Э. Давида, Ленин, конспектируя слащаво-«народническое» место, где восхваляется корова как идеальное, наиболее дешевое и рациональное животное, которое лишь необходимо правильно кормить, пишет на полях: «Маниловщина!»². Но не только «народнические» черты носит в себе Манилов этого этапа: он, кроме того, опять-таки оппортунист-социал-демократ, сторонник «объединения» ликвидаторов с партией рабочего класса: «...совершенно естественно, что среди современной рабочей молодежи мечтания и фразы добродушных людей о «единстве» ликвидаторов с рабочей партией вызывают только, смотря по настроению, или гомерический, совсем невежливый, хохот или взгляд недоумения и сострадания по адресу интеллигентских Маниловых»³.

Этот, третий, Манилов, представитель контрреволюционного блока, Манилов кануна революции 1917 года во много раз сложнее и острее своего далекого предка. Он обладает новыми социальными функциями. Новая расстановка классовых сил, новый исторический этап выявили в нем новые, гораздо более опасные классовые черты эксплуататора, защищающего свое «право» на эксплуатацию. Если попробовать подарить ему бисерный чехольчик на зубочистку, он

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 368.

² Ленинский сборник, XIX, стр. 324.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 124—125.

едва ли будет этим умилен. Этот противно слащавый дворянский «усадебный» подарок никак не характеризует его нового социального существа.

В последний раз Манилов появляется у Ленина в эпоху революции 1917 года, на подступах к Октябрю. Силы уже размежевались, обстановка определилась, через все классовые и политические группировки легла одна линия революционного фронта: или за революцию, или против — третьего не дано. На этом историческом этапе, в этой новой обстановке маниловщина приобрела новый — последний — наиболее острый смысл. Квалификацию «маниловщины» получают каутскианство и реформизм, предающие революцию, — опаснейший враг пролетариата на данном этапе:

«От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину, в реформизм, требовать от этих, тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов, *разрыва* этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне против войны — пустые, обманчивые фразы.

«Каутскианцы», «центр» — революционеры на словах, реформисты на деле, — интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле»¹.

Маниловщина — это псевдоним ведущего отряда всего огромного контрреволюционного фронта, маниловщина в этой обстановке — это все, что против революции, — реформизм, социал-шовинизм, все, противное подлинному интернационализму: «Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и *только ее одной*, во всех без исключения странах.

Все остальное обман и маниловщина»².

Маниловщина на данном историческом этапе выявлена в своем острейшем классовом — *предательском* — существе. Она дана как крупнейшая по социальному охвату характеристика лицемерного предательства и защиты интересов эксплуататоров. Этой новой трактовкой маниловщины, заполненной опять-таки новым социальным содержанием, Ленин как бы подводит итог истории развития маниловщины и ес

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 175.

² Там же, стр. 170.

диалектических метаморфоз, вызванных своеобразием жизни России конца XIX и начала XX века.

Такова жизнь Манилова и историческая судьба маниловщины в произведениях Ленина.

Хлестаков и Ноздрев

В отличие от Манилова образ Хлестакова взят Лениным не для характеристики всего явления в целом. Лишь одно из проявлений — правда, особо возмутительных и характерных — деятельность новой, меньшевистской «Искры», а не вся роль меньшевистской клики в революции 1905 года получила название хлестаковщины. Но, несмотря на ограничительный смысл художественного термина, он характеризует такое проявление меньшевизма, социальная значимость которого в корне отличается от социальной значимости хлестаковщины в крепостной России.

Новая «Искра» выдавала за действующие и поддерживающие ее такие рабочие союзы, которые существовали лишь в ее воображении. Эти меньшевистские рабочие союзы «тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой «Искры»¹. Меншевистская новая «Искра» выступила перед международной социал-демократией с хлестаковской «статистикой» организованных рабочих России, в которой пыталась «доказать», что девять десятых организованного российского рабочего класса — сплошь меньшевики. Подобно Хлестакову, «Искра» захотела воспользоваться ситуацией: резолюция конференции меньшевистской «Искры» не публиковались никак — ни по-французски, ни по-немецки, а вот свою «смехотворную «статистику» она обнародовала в западной социал-демократической печати, не решившись опубликовать в русской. Разоблачение этого факта проходит по ряду ленинских статей, прочно связанное с образом Хлестакова. Перевод хлестаковского сообщения новой «Искры», посланного во французскую социал-демократическую печать, Ленин публикует в «Пролетарии» (от 26(13) июля 1905 г.) под заглавием «Наши Хлестаковы» и приписывает в конце заключительные слова: «Курьеры скажут, 40.000 курьеров приглашают новоискровских Хлестаковых партий управлять!»².

Вредное очковитительство новой «Искры» разоблачено при помощи одной только цитаты из Гоголя, даже несколько усиленной (у Гоголя 35 тысяч курьеров). Тот же образ Хле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 131.

² Ленинский сборник, XVI, стр. 129.

стакова сохранен в «Осведомлении международной социал-демократии о наших партийных делах»: «Следует разоблачать при этом неуклонно все неприличие хлестаковской новы «Искры»... «Искра» рассылает теперь по всем заграничным колониям письмо за подписью редакции, которое содержит такие же забавные хлестаковские уверения в силе меньшинства, до сих пор стыдливо скрываемые от русских читателей наших социал-демократических газет»¹. Тот же образ — в письме Ленина к П. А. Красикову (14 сентября 1905 г.): «...агент Мямлин заявил, что хлестаковская заметка «Искры» справедлива»².

В 1909 году та же характеристика хлестаковщины прилагается Лениным к статье октябристской газеты «Голос Москвы». «Орган октябристской партии «Голос Москвы» в передовой статье от 21 июня, носящей хлестаковское заглавие «Европа и обновленная Россия», горячо приветствует выступление лидера кадетов...»³, — пишет Ленин о превознесении октябристским органом выступления Милюкова в Лондоне за завтраком у лорда-мэра.

В 1912 году Ленин пишет о «невероятной хлестаковщине Троцкого, Либера («Бунд») и ликвидаторов», провозгласивших лозунг «объединения» и возящихся «с их пресловутой «Организационной комиссией»⁴.

В 1913 году Хлестаков встречается в ленинском тексте с Ноздревым, художественно приравненный к нему. В момент подъема рабочего движения и величайшей важности вопроса о партийном руководстве движением газета меньшевиков-ликвидаторов «Луч» хвастливо заявила о статье одного из меньшевистских лидеров, Ф. Дана, что девять десятых передовых сознательных рабочих России — меньшевики. «Над этим Хлестаковым или Ноздревым стоит посмеяться, и «Правда» уже сделала это, — пишет Ленин. — Но одной насмешки мало. Рабочие должны научиться *сами* разбирать факты и проверять их, чтобы не давать в обман Ноздревым ни себя, ни своих малоразвитых товарищей». Нужны факты, которые должны «изобличить Ноздревых, которых так много в журналистике»⁵. Сразу видно, что именно образ этого матерого лгуна и наглеца казался Ленину более подходящим к данной ситуации: упомянув один раз приравненного к Ноздреву Хлестакова, он в этой статье в дальнейшем предпочитает пользоваться образом только Ноздрева. То, что в 1905 году воспринималось как чуть ли не «наивное» вранье,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 213.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 66.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 55.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 358.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 101.

в 1913 году приобрело несколько иной оттенок, квалифицируясь именем прожженного враля и наглеца.

Ноздрев — один из ближайших родственников Хлестакова. Типовое ядро, художественные центры их характеристики у Гоголя чрезвычайно близки. Но Хлестаков наивен и неопытен — качества, которых полностью лишен Ноздрев. Ситуация глухого провинциального угла, сложившаяся помимо Хлестакова, навязывает ему роль «ревизора». Хотя у него нет «царя в голове», но какой-то остаток практической сметки заставляет его послушаться мудрого совета Осипа: «Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора». Его кратковременное пребывание в роли ревизора едва ли «напрактиковало» его, «опыта» он никак не приобрел, и можно с большей долей уверенности сказать, что, попробуй он сам разыграть ревизора в каком-нибудь другом медвежьем углу, он был бы наверняка бит и со срамом изобличен. В первый раз его вывели больше всего обстоятельства.

«Опытность» враля и наглеца Ноздрева просто несравнима с хлестаковской. Ноздревщина имеет отличительнейшее качество *привычки* — она постоянна, имеет прочность хорошего условного рефлекса. Хлестакова обыграл в карты пехотный капитан — «штосы удивительно, бестия, срезывает», а Ноздрев — сам шулер. Хлестакова вывозит ситуация — ему верят целых два дня (Осип говорит: «Погуляли здесь два денька — ну и довольно»), Ноздреву же никто не верит: даже когда смущенным и растревоженным чиновникам надо обязательно вызнать правду о Чичикове и призвать к допросу даже Ноздрева, то и тут ему не верят, хотя готовы поверить любой небылице.

И Ноздрев, и Хлестаков появляются у Ленина для характеристики аналогичных ситуаций. Разница только в оттенках. Иногда они просто художественно приравниваются друг к другу. Но образ Ноздрева применяется чаще и в случаях более острых, в ситуациях, политически более значимых: старый прожженный враль и наглец подходит к этим случаям больше малоопытного и несколько наивного Хлестакова. Эти оттенки Лениным сохранены.

Ноздрев появляется первым, в 1901—1902 годах, в произведении «Что делать?» и уходит с ленинских страниц лишь в 1918 году (статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»). Хлестаков приходит позже, встречаясь в первый раз лишь в 1905 году в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и уходит в 1913 году («Нечто об итогах и фактах»).

В 1901—1902 годах Ленин разоблачает образом Ноздрева попытку лидера «экономизма», редактора журнала «Рабочее Дело» Б. Кричевского взять под свою защиту оппортунизм в рабочем движении и потребовать для него полной

свободы. Эти требования Кричевский пытался подтвердить ссылкой на особенности истории Франции. Ленин называет эту ссылку «исторической» в ноздревском смысле слова¹ (ведь с Ноздревым всегда происходили какие-нибудь «истории»...).

Более опасный и острый смысл ноздревщины по сравнению с хлестаковщиной оттенен Лениным в сопоставлении ноздревского образа с иными образами мировой литературы. Это одна из тех многозначительных литературных встреч, о которых говорилось выше. Образ ноздревщины несколько раз встречается в ленинской статье «Сорвалось!...», разоблачающей поведение эсеровской газеты «Революционная Россия» в связи с делом Балмашева. Сначала «Революционная Россия» гордо требовала третейского суда, а затем «с неопишимо обиженным видом благородного человека» заявила, «что «после всего происшедшего» невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда». «Комики вы, господа,— пишет Ленин.— После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!» И далее — знаменательная литературная встреча: «Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия, либо недоверия, и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется *игбі еі огбі*, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не ноздревщина? не революционное бреттерство? не заслужено было таким человеком название Тартюфа?»².

Тартюф и Ноздрев! Основной момент, выявленный встречей,— лицемерие. Лицемерие не воспринимается при знакомстве с гоголевским Ноздревым как его отличительная черта. Между тем эта черта в данной политической ситуации имеет особое политическое звучание. Именно этот момент особенно разоблачает партию эсеров и занятую ею позицию.

Вторая значительнейшая литературная встреча Ноздрева происходит в 1914 году, в мае, накануне мировой войны. Ноздрев — это Троцкий, вносящий раскол в партию, нарушающий единство партии и прикрывающий в то же время свою деятельность криками о необходимости сохранения единства партии. И тут же, в одной строке, для характеристики той же деятельности Троцкого привлекается и второй литературный образ — Иудушки Головлева.

«Эти попытки (раскола — М. Н.) бессильны, но надо же

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 12.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 340, 337, 339.

разоблачить зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года *полное поражение* перед «передовыми рабочими», с невероятной наглостью *плюют* на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их «политически-растерянными». Ведь это же целиком приемы Ноздрева или Иудушки Головлева»¹.

Ноздрев становится в ряд лицемеров мирового значения. Ноздрев — Тартюф — Иудушка Головлев. И опять-таки *политически* именно лицемерие подлежало в данный момент острейшему разоблачению перед рабочими массами. Художественные центры типа переместились, социальная функция изменилась, как изменился и сам исторический этап, на котором гоголевский образ сыграл в статье Ленина роль отточенного политического оружия в революционной борьбе. Ноздрев — *этот* Ноздрев — нов по сравнению со своим гоголевским прародителем. Мы можем говорить о замечательной метаморфозе Ноздрева.

В 1917 году, в период приближения революции к Октябрю (июнь 1917 года!), мы вновь встречаем Ноздрева-эсера. Его отличает от Ноздрева-эсера 1905 года прежде всего то, что он имеет министерский портфель. На этот раз Ноздрев — министр Временного правительства Чернов. Он показал «чудеса революционной энергии»: за короткий шестинедельный срок он обещал целых десять законопроектов. Правда, ни об одном законопроекте нельзя сказать «ничего ясного»: совершенно непонятно, о чем собственно идет в них речь. Министр земледелия Чернов — «либеральный чиновник». Он своему «начальству», т. е. господам Львову, Шингареву и К^о, читает обширнейшие доклады о сотнях законопроектов, долженствующих облагодетельствовать человечество, а народу... народу он преподносит только красноречие, обещания, ноздревские фразы...»².

На этом кончается дооктябрьская линия ноздревских метаморфоз: от рабочедельца Кричевского до эсеровского министра Чернова. Социальная функция образа непрерывно заостряется через все превращения.

Послеоктябрьские упоминания Ноздрева у Ленина разоблачают «левое ребячество», мелкобуржуазную распушенность, прикритую «левыми» лозунгами, двусмысленно кивающую на Брестский мир и требующую «решительной классовой международной политики».

„Своей“ политики у «левых» нет; объявить отступление *сейчас* ненужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, иг-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 193.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 388.

рая словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя *в данный момент*. Они пускают мыльные пузыри: «международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это ноздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спастись от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз...»¹.

И тут опять-таки новый образ Ноздрева насыщен острейшим политическим разоблачительным содержанием.

Черносотенец Собакевич

Собакевич значительно менее сложен. Наиболее любопытна его метаморфоза в работе Ленина «Развитие капитализма в России», где он живет в одном примечании. Примечание подверглось ленинской правке во втором издании — и в этой правке вся соль: в первом издании в примечании просто стояли рядом помещики Манилов и Собакевич. Дело было в конце 90-х годов: работа «Развитие капитализма в России» писалась в 1896—1899 годах, Манилов и Собакевич рассуждали о причинах бегства крестьян из «патриархальных» земледельческих окраин на южные и восточные окраины и в промышленные губернии. Развивался процесс пролетаризации крестьянства, пробиваясь сквозь сеть крепостнических пережитков, опутавших пореформенную экономику. Надел привязывал нищавшего крестьянина к земле. Нищенский надел держал крестьянина у помещичьего имения, и этот факт представлял собой важный признак «пруссского пути» развития капитализма: помещик имел дешевого батрака, который шел за нищенскую плату работать на барских полях, и дорогого арендатора помещичьей земли, «отрабатывавшего» со своей лошадейкой ту же старую барщину на помещика, только замаскированную «арендной» формой: «отработки» были пережитком барщины. Помещику нужно было держать крестьянина у своего имения, чтобы осуществлять эксплуатацию прусского типа.

В 1908 году, когда Ленин переиздавал «Развитие капитализма в России», он «уточнил» партийность Собакевича и Манилова: кадет Манилов и черносотенец Собакевич. Этим было художественно подчеркнуто их единое классовое суще-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 290.

ство собственников-эксплуататоров, кровно связанных с «прусским путем» развития капитализма. Весь отрывок драматизирован:

«...Крестьяне массами бегут из местностей с наиболее патриархальными хозяйственными отношениями, с наиболее сохранившимися отработками и примитивными формами промышленности, в местности, отличающиеся полным разложением «устоев». Они бегут от «народного производства», не слушая несущегося им вдогонку хора голосов из «общества». А в этом хоре явственно выделяются два голоса: «мало привязаны!» — угрожающе рычит черносотенец Собакевич. — «Недостаточно обеспечены наделом», — вежливо поправляет его кадет Манилов»¹.

И кадет Манилов, и черносотенец Собакевич хлопочут вокруг одного и того же дела — охраны «прусского пути» развития капитализма. Угрожающее рычание одного и «вежливость» другого — внешние формы, скрывающие единое эксплуататорское существо.

В дальнейшем тексте образ Собакевича у Ленина имеет значительно менее «гоголевский», если так можно выразиться, смысл. Этот образ широко применялся во внутрипартийной борьбе 1903—1904 годов. В частности, его употреблял и Плеханов. В ответной полемике Ленин использует этот образ, но тут нельзя говорить о метаморфозе образа. В 1904 году в работе «Шаг вперед, два шага назад» иронически применяются выражения «а la Собакевич-Parvus» и «Собакевич-Гайндман» к резкой, тупой и неуместной «прямолинейности» во внутрипартийной борьбе.

Выражение Плеханова о достойной Собакевича резкости по отношению к ревизионистам также иронически применено Лениным к ходу внутрипартийной борьбы. Наконец, в письме к Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме (19 января 1905 г.) Ленин применяет образ Собакевича уже просто в качестве бытового: с адвокатом, которого получают заключенные, надо правильно себя держать: не надо говорить с ним «по-собакевически», а можно мягко и умело дать ему понять: «ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь...»². Разумеется, все эти случаи выпадают из круга метаморфоз образа: в произведениях Ленина Собакевич пережил лишь одну метаморфозу черносотенца, причем эта метаморфоза имела свою историческую эволюцию — от конца 90-х годов, когда перед нами просто был беспартийный помещик Собакевич, к 1907 году, году конца революции, когда Собакевич стал членом партии черной сотни и тем еще ярче выявил и подчеркнул свое классовое существо.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 590.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 171.

Дама, приятная во всех отношениях

Большое содержание вложено в метаморфозу «дамы, приятной во всех отношениях». В «Мертвых душах» эта дама не проявляется, в сущности, никаких вредных качеств. Правда, она — по-видимому, неосновательно — обвинила губернаторскую дочку в том, что она румянится и что румянец в палец толщиной отваливается, как штукатурка, кусками; она необоснованно обвинила Чичикова в том, что он хотел увезти губернаторскую дочку и что мертвые души — это выдуманно только для прикрытия. Вот и вся «вредность» дамы, приятной во всех отношениях.

В 1906 году, когда мы впервые встречаем в произведениях Ленина даму, приятную во всех отношениях, она поклонница Льва Толстого. Ленин анализирует вопрос о диктатуре вообще и диктатуре революционного народа в частности. Разоблачая позиции мещанства по вопросу о диктатуре, он напоминает о созданной идеологами мещанства теории непротравления злу насилем. «Г. Бердяев! гг. редакторы «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры»! Вот вам еще тема для долгих воплей, ...то бишь долгих статей против «хулиганства» революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!! — кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях»¹. Образ оттеняет мещанскую суть Бердяева и компании. Мещанская суть, классовое существо обывателя, проявляющееся при обсуждении таких вопросов, как вопрос о диктатуре, — именно это в данный момент олицетворяет дама, приятная во всех отношениях. К слову сказать, скомпанована она тут Лениным несколько «вольнo» — в ее уста вложены слова дамы просто приятной «оррер, оррер, оррер...» («кель» — это уже от Ленина).

Следующий раз мы встречаем даму, приятную во всех отношениях, в октябре 1917 года в произведении Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?». «Дама» — оппортунистическая газета «Новая Жизнь». Образ дамы, приятной во всех отношениях, видимо, крепко связался ассоциативными нитями с этой газетой: в двух разных местах Ленин прилагает к ней все тот же гоголевский образ. Основное, выявленное в тексте Ленина, качество дамы довольно неожиданно по степени своей серьезности: дама, приятная во всех отношениях, — адвокат буржуазии. «Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 320.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 296.

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» дама, приятная во всех отношениях, из «нежного» создания гоголевского юмора превратилась в орудие разящей политической сатиры. «Новая Жизнь» взялась говорить о гражданской войне — «тема как раз по плечу для дамы приятной во всех отношениях», — пишет Ленин в скобках. Дама не понимает ни событий 3—5 июля, ни уроков гражданской войны, ни процесса большевизации масс: «уроки» получаются опять совсем не те, совсем не те, какие желает видеть новожизненная дама приятная во всех отношениях»¹. Образ дамы художественно подтвержден Лениным даже передачей манеры «дамской» речи через характерное повторение «совсем не те, совсем не те». Этот прием повторения проведен Гоголем через весь длинейший разговор дамы, приятной во всех отношениях, с дамой просто приятной («Фестончики, все фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики...») «Вообразите: приходит ко мне сегодня протопопша — протопопша, отца Кирилы жена...»). Как будто и можно узнать в октябре 1917 года эту даму, приятную во всех отношениях. Но социальный и политический смысл, вложенный Лениным в гоголевский образ, сообщил ему несравнимо большую заостренность по сравнению с первичным гоголевским типом.

Толстовка в 1906 году, не понимающая вопроса о диктатуре революционного народа, и меньшевичка накануне октября 1917 года, не понимающая и не способная понять («адвокат буржуазии»!) значения совершающейся на ее глазах гражданской войны, — таковы две метаморфозы, переживаемые, в тексте Ленина дамой, приятной во всех отношениях.

Держиморда

Держиморду можно встретить у Ленина шесть раз: он упоминается реже многих других гоголевских героев. Но и в «Ревизоре» упоминается он редко, и мы узнаем о нем немного. Во-первых, известно, что его не оказалось на месте, когда его потребовал к себе городничий: Пуговицын подчищал тротуар, Прохоров был пьян, а Держиморда поехал на пожарной трубе. При первом же появлении его с полицейским Свиштуновым, не успев Держиморда рывкнуть «Был по приказанию...» (на вопрос городничего: «Где вас черт таскает?»), как городничий в буквальном смысле слова затыкает ему рот. Известно также, что во время базарных скан-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 334, 337.

далов Держиморда лупит и правого и виноватого. Но, охраняя дом городничего от ломящихся к Хлестакову купцов, Держиморда не сумел оказаться на высоте положения, и купцы все же прорвались к Хлестакову. Держиморда не сумел совладать даже с высеченной городничим унтер-офицерской вдовой, о которой широко распространилось в литературе клеветническое утверждение городничего, что она сама себя высекала. Вдова со слесаршей опять-таки пробилась к Хлестакову, хотя Держиморда их больно толкал. Вот собственно все, что известно о Держиморде. Гоголевскому Держиморде из «Ревизора» во всяком случае удалось добиться немногого, и степень его могущества самым явным образом поставлена Гоголем под сомнение.

Но Держиморда пошел по свету с новым, невероятно расширенным и обостренным социальным содержанием. Именно в этом виде встречаем мы его у Ленина. В то же самое время это расширение содержания образа ставит очень серьезные границы исследования ленинского толкования. Держиморда стал маской, условным знаком самодержавия еще до ленинской трактовки. Он еще раньше ходил в живой речи, агитационной литературе, по газетным страницам именно в таком расширенном условном толковании. Учитывая это, и должны мы приступить к изучению ленинской трактовки образа Держиморды.

Впервые встречаемся мы с ним в ленинском тексте в 1901 году в работе «Случайные заметки», где Ленин обличает «полицейскую этику» самодержавия, «первую и последнюю заповедь русского Держиморды: «Бей, но не досмерти!»¹.

1906 год. Держиморда находится в деревне и насаждает там столыпинскую политику укрепления кулака. Во всяком случае — функция более сложная, чем единоборство с высеченной унтер-офицерской вдовой.

Эта большая сложность подчеркнута еще тем обстоятельством, что классовые цели, которые преследуют укрепляющие буржуазию правительственные чиновники, полностью совпадают с классовыми целями умных и осторожных Гучковых, а также тонких и ловких кадетов. Так сказать, стиль действий чиновничьего Держиморды — свой, держимордовский, грубый, а классовые цели все же одни и те же. «Правительство чувствует, что его единственное спасенье — укрепить деревенскую буржуазию из мужиков, внутри общины, чтобы опереться на них против крестьянской массы. Но к той цели, к которой Гучковы пошли бы умно и осторожно, к которой кадеты подкрадываются тонко и ловко, полицейские держиморды идут так грубо, глупо и неуклюже, что провал всей их «кампании» представляется всего более вероятным. Эле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 404.

менты крестьянской буржуазии малочисленны, но очень сильны экономически в деревне. Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской аграрной реформы помазал бы по губам *все* крестьянство и великолепно достиг бы той цели, к которой по-медвежьи «ломит» самодержавие, именно: укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из нее оплот «порядка».

Но Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины слишком глупы, чтобы понять это»¹.

Итак, Держиморда невероятно повысился в чине, дойдя до полковника Романова. Держиморда потерял конкретность своих первичных атрибутов: уже неуместно вспоминать ни о пожарной трубе, ни о борьбе с унтер-офицерской вдовой. Но Держиморда колоссально вырос и раскрылся в своем социальном значении: он символ всего самодержавия, укрепляющего в деревне кулака после революции 1905 года из боязни новой «пугачевщины».

Второй раз мы встречаем Держиморду в 1909 году. На этот раз его фамилия — Пуришкевич. Речь идет о религии. Хотя в данном случае Пуришкевич — зубр и «дикий помещик», классовый смысл его действий полностью совпадает со смыслом действий культурного и тонкого кадета Караулова, разница опять-таки только в «стиле». «Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, гг., возражает им устами Караулова контрреволюционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее...»². Замечательно это приравнение двух писательских образов — гоголевского Держиморды и щедринского «дикого помещика». Но это персонифицированное употребление образа Держиморды, приравненного к Пуришкевичу, хотя и чрезвычайно обобщенному («говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда»), встречается у Ленина еще лишь один раз. Во всех остальных случаях Держиморда дается как обобщенный символ самодержавия во всей его дикой, косной, застарелой крепостнической сути. В третий раз мы встречаем Держиморду уже после Февральской революции. И не где-нибудь в провинциальной глуши, куда он мог спрятаться с целью переждать события и скрыть свою профессию полицейского, а в самом Временном правительстве. Признание автономии Украины должно было бы явиться элементарнейшим демократическим долгом Временного правительства: «Отказ в этих скромнейших и законнейших

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 386.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 435—436.

требованиях со стороны Временного правительства был неслыханным бесстыдством, дикой наглостью контрреволюционеров, истинным проявлением политики великорусского «держиморды»...»¹.

Последние встречи с Держимордой происходят в 1919 году. В докладе Ленина «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» (4 июля 1919 г.). Держиморда предстает в качестве широчайшего, обобщенного символа свергнутой российской монархии. Он даже меняет свой род на женский: «...старая русская монархия, старая держиморда...», — говорит Ленин². В том же смысле звучит Держиморда и в «Речи о продовольственном и военном положении» (30 июня 1919 г.): «...колчаковская власть принесла восстановление капитализма держиморда...»³. Как видим, на этот раз Держиморда уже на стороне колчаковской контрреволюции.

Социальная функция первичного гоголевского Держиморды и его социальный объем как понятия почти несравнимы с ленинской трактовкой, хотя и сохранено какое-то основное художественное ядро, позволяющее нам все же воспринимать этот образ как гоголевский. Держиморда у Ленина — понятие широчайшего обобщения. Он грозен, огромен, насыщен острейшим классовым содержанием. Держиморда-самодержавие — это образ врага, с которым велась столетняя революционная борьба. В этом смысле Держиморда нов, силен и страшен. И тем значительнее одержанная над ним победа.

Бобчинский и Добчинский

Характеризуя городских болтунов Бобчинского и Добчинского, Гоголь пишет в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы как следует играть «Ревизора», что Бобчинский все же берет верх над Добчинским «по причине большой живости и даже несколько управляет его умом». Можно в шутку сказать, что в ленинском тексте Бобчинский в соответствии с гоголевским указанием взял верх над Добчинским по крайней мере в смысле частоты упоминаний.

Бобчинского «выручило» его знаменитое «петушком, петушком», которым собирается он побежать за дрожками городничего, где ему не хватило места. Базаров, Потресов и К^о, говорит Ленин, петушком, петушком бегут за «всеми», кто обижен за Толстого, к которому осмелились прикоснуть-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 351.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.

³ Там же, стр. 128—129

ся с оружием классового анализа. В октябре 1905 года либералы петушком бежали за революцией и объявили «славную» ту забастовку, против которой еще вчера боролись. В 1916 году, во время мировой войны, предатели Вандервельде, Плеханов и Каутский побегут петушком за патриотами и будут устраивать свой конгресс «социалистов» в том же городе, где будет заседать конгресс мира. В июне 1917 года, на подступах к Октябрю, меньшевистская «Рабочая Газета» петушком, петушком поспевает «за всей оравой социалшювинистов». В эпоху Октября левые эсеры пытались одно время петушком, петушком бежать за большевиками. Такое употребление Лениным широко распространившегося речения Бобчинского, конечно, еще не несет в себе метаморфозы. Хотя оно очень крепко связано с Бобчинским в «Ревизоре», оно затем стало жить в живой речи довольно самостоятельной жизнью.

Как образ, претерпевающий метаморфозу, Бобчинский неотделим от Добчинского в ленинском тексте. В 1906 году Бобчинский и Добчинский — Струве и Пешехонов, защищающие монархию. Способы защиты несколько отличны, но суть одна. Именно демонстрация этой единой классовой сути — основной художественный центр ленинской трактовки: «Неужели вы не видите, что г. Пешехонов отличается от г. Струве ничуть не больше, чем Бобчинский отличался от Добчинского?»¹. Действительно, судя по тексту «Ревизора» и «Предупреждения», мы знаем, что отличия эти были не особо значительны. «Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского», Бобчинский был холост, Добчинский — женат и т. п.

Вторая трактовка Добчинского и Бобчинского у Ленина чрезвычайно неожиданная: Добчинский — эмпириомонист, в то время как Бобчинский — сторонник эмпириокритицизма. Образ подчеркивает тождество двух философско-обывательских школ: «Проиграно дело основателей новых философских школок, сочинителей новых гносеологических «измов», — проиграно навсегда и безнадежно. Они могут барахтаться со своими «оригинальными» системками, могут стараться занять нескольких поклонников интересным спором о том, сказал ли раньше «э!» эмпириокритический Бобчинский или эмпириомонистический Добчинский, могут создавать даже обширную «специальную» литературу подобно «имманентам», — ход развития естествознания... отбрасывает *прочь* все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова «метафизику» естественноисторического материализма»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 403.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 372–373.

О городничем, о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, о главной черте Ивана Федоровича Шпоньки и о прочем...

Городничий оказывается примерно в положении Бобчинского и Добчинского, обладая, впрочем, лишь одной метаморфозой. Большинство упоминаний в тексте Ленина связано собственно не с самим образом городничего в целом и не с какой-либо характерной ситуацией «Ревизора», где участвует городничий, а главным образом с речениями городничего. «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!», «три года скачи не доскачешь» — вот речения городничего, перефразированные Лениным. Разумеется, все это — никак не метаморфозы. Метаморфоза лишь одна: в 1911 году в статье „«Сожаление» и «стыд»" совет объединенного дворянства разговаривает с кадетом. Городничий, уполномоченный совета объединенного дворянства, разговаривает в Государственной думе с «купчишкой» Маклаковым. «А либеральная буржуазия, точно купчишка, запуганный городничим, трусливо пягится и, пятясь, бормочет: я сожалею, мне стыдно... что вы меня так третируете!»¹. Развитие того же образа мы видим в статье «К итогам думской сессии», носящей характерный подзаголовок: *«Вместе делали»*. Городничий грабил вместе с купцами, ссориться им не след — кадеты и октябристы «вместе» душили революцию, у них даже нет повода для «ссоры», их разногласия в Думе кажущиеся.

В той же статье „«Сожаление» и «стыд»" имеет место характернейшая литературная встреча, замечательно поясняющая, в каком именно смысле Ленин «противопоставляет» кадета-купчишку и дворянина-городничего. Встречается гоголевский образ с другим гоголевским образом, художественно приравненным к нему. Купчишка оказывается Иваном Ивановичем, а городничий — Иваном Никифоровичем. Иван Иванович — Маклаков и Иван Никифорович — Столыпин. Один стыдит другого.

«Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифоруца, а Иван Никифоруц стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Иван Иванович Ивану Никифоруцу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не веришь, которой не помогаешь,— говорит Иван Никифоруц Ивану Ивановичу.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 247.

Как вы думаете, читатель, который из двух спорящих больше «пристыдил» другого?»¹.

Единое классовое существо купчишки и городничего вскрыто литературной встречей с Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем. Они, кстати, продолжают свой спор, начатый в той же статье. Поборник «гражданственности», «прогрессист» Львов 1-й обвиняет в демагогии людей, «стоящих у власти». Разумеется, Столыпин мог бы вернуть ему обвинение обратно.

«Повесть о том, как Иван Иваныч обвинял в демагогии Ивана Никифору́ча, а Иван Никифору́ч Ивана Иваны́ча. Вы демагог, сказал Иван Иваныч Ивану Никифору́чу, ибо вы стоите у власти и пользуетесь этим для увеличения своего собственного влияния и своей власти, причем ссылаетесь на национальные интересы населения. Нет, вы — демагог, сказал Иван. Никифору́ч Ивану Иваны́чу, ибо вы кричите громко в публичном месте, будто у нас только произвол и нет ни конституции, ни основных законов, причем намекаете довольно невежливо на какое-то принесение в жертву нашего достоинства.

Кто кого изобличил в конце концов в демагогии, — неизвестно. Но известно, что, когда два вора дерутся, от этого всегда бывает некоторая польза»².

Эта метаморфоза Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в 1911 году, в эпоху начала подъема рабочего движения и торжества столыпинской политики, не является единственной для этого образа, но она — одна из самых значительных. Замечательно, что образ драматизирован Лениным: действующие лица разговаривают друг с другом.

В 1907 году тот же образ взят Лениным для характеристики кадета и меньшевика. Вновь демонстрирует образ классовую близость одного к другому. Борьба за правильную, за большевистскую тактику борьбы, за резкое размежевание со всеми другими партиями, борьба за революционную линию — важнейшая задача момента. Меньшевики не понимают этого и болтают о «блоке всех левых партий». Этот блок будет на руку именно буржуазии. Именно на этом легко помирится она с когда-то «ссорившимися» с ней оппортунистами из социал-демократии: «Чего уж там разбирать еще? И какая беда, если меньшевик Иван Иваныч сказал когда-то гусака кадету Ивану Никифору́чу?»³.

Та же ситуация у образа в 1914 году, когда уже в разгаре мировая бойня. Социал-ренегаты, социал-шовинисты всех стран легко найдут общий язык, их «ссоры», их обыва-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 248.

² Там же, стр. 250.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 282.

тельские препирательства ни в малейшей мере не имеют серьезного значения. Их небольшие размолвки и примирения ничуть не изменяют того факта, что II Интернационал «сыграл свою историческую роль и умер, побежденный... оппортунистом. Пусть теперь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интриганские лакеи шовинистов и оппортунистов) «трудятся» теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов и Самба с Каутским и Гаазе, как будто б перед нами был Иван Иванович, сказавший «гусака» Ивану Никифору и нуждающийся в приятельском «подталкивании» к противнику»¹.

Все прочие упоминания Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича применены к той борьбе, какую приходилось вести Ленину с тормозившей партийную работу обывательщиной и склокой. В 1903 году сплетни мартовцев о «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича и «кулаке» Ивана Никифоровича, разговоры о личных обидах, оскорблениях и т. п. подменяли вопрос о принципиальной линии внутрипартийных разногласий². В том же смысле говорится «о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича...» («Шаг вперед, два шага назад»)³. Попытки построить словесный «мост» для примирения революционной социал-демократии с ликвидаторами — это «благие намерения» Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича⁴.

Ничего нельзя себе представить более безвредного, чем гоголевский Иван Федорович Шпонька. Робость — вот, кажется, основное качество гоголевского Шпоньки. Иван Федорович Шпонька боится учителей в школе, боится тетушки Василисы Кашпоровны, боится соседа, зажулившего завещание, составленное в пользу его, Шпоньки, но больше всего — панически — боится жениться.

Но не Шпонькину робость воспринимает Ленин как центральную художественную черту образа. *Пассивность*, бездейственность, растворенные в благодушии, — вот основная черта Ивана Федоровича Шпоньки в восприятии Ленина. Но когда речь идет об уроках 1905 года, о разоблачении плехановского положения «не надо было браться за оружие», о разоблачении всех, отрицательных возможностей организовать восстание, — «благодушная» пассивность социал-демократа оказывается вреднейшей и опаснейшей чертой.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 103.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 19.

³ Там же, стр. 266.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 350.

Меньшевик Ларин поддерживает «кадетскую сказку о пассивной (??) революции», но пассивность-то присуща отнюдь не революции, а самому Ларину. «Пассивность, это — качество мелкобуржуазной интеллигенции, а не революции,— пишет Ленин в работе «Кризис меньшевизма». — Пассивны — те, кто призывает заполнение армии элементами недовольной деревни, неизбежность постоянного брожения и мелкой борьбы,— и в то же время с благодушием Ивана Федоровича Шпоньки утешает рабочую партию: «русская революция не идет путем восстания»¹.

Шпонька — ликвидатор, меньшевик, агитирующий за лозунг «пассивной революции», «опровергающий» большевистскую идею организованного восстания, делающий все это в революционный 1906 год,— это вреднейший тип, которого надо разоблачить. И разоблачение этого врага образом того-левского Шпоньки придает всему образу новую сагирическую трактовку, новую социальную функцию.

То же получается с нерешительной невестой Агафьей Тихоновной и с глубокомысленным философом Кифой Мокиевичем, появляющимся в конце первого тома «Мертвых душ». «Г-н Мануилов рассуждает, должно быть, по знаменитому рецепту знаменитого г-на Михайловского: надо взять хорошее и оттуда и отсюда,—наподобие того, как гоголевская невеста хотела взять нос одного жениха и приставить к подбородку другого»². Глубокомыслие Кифы Мокиевича унаследовал меньшевик Мартынов, рассуждавший в 1905 году о невозможности руководства восстанием: «Приходится растолковывать,— пишет Ленин,— что глубокомысленные ссылки на переворот в общественных отношениях при решении практического вопроса о способах свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокиевича»³.

Не ставя целью освещение жизни всех гоголевских героев в работах Ленина, оставим без рассмотрения Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну, знаменитого Петрушку из «Мертвых душ» и способ чтения им книг, а также глубокомысленного Осипа, лакея Хлестакова.

Тряпичкина можно оставить без рассмотрения ввиду преобладания щедринских моментов в этом образе: «душа Тряпичкин», которому пишет Хлестаков письмо, не раскрыт Гоголем, и гоголевский образ заслонен у Ленина щедринским. Сумасшедший Поприщин случаен и не раскрыт у Ле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 155.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 499.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 258.

нина, упомянутый как тип (по-видимому, в чужой цитации). Замечания Поприщина, что «луну делают в Гамбурге прескверно»¹, конечно, не позволяет говорить о метаморфозе образа у Ленина.

Два слова о Коробочке и Акакии Акакиевиче. У них, собственно, также нет «метаморфозы»: слушающая г. Южакова Коробочка («даже сама Коробочка согласится теперь с г. Южаковым»²), сохраняет типично гоголевские черты ограниченной скопидомки-помещицы и дуры; это последнее качество, пожалуй, основное в ленинской трактовке.

Акакий Акакиевич тоже не переживает метаморфозы. Но он имеет одну замечательную литературную встречу. Реакционеры, и в том числе высшая бюрократия, обладали правильным классовым чутьем. «Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто не похож на гоголевского Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре»³. Встреча Акакия Акакиевича с чеховским человеком в футляре чрезвычайно многозначительна. С восприятием гоголевского образа Акакия Акакиевича связано чувство острой жалости. Его возглас «оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?», потеря шинели и смерть воспринимаются обычно как центральные моменты его характеристики. По-видимому, тупая ограниченность мелкого чиновного служаки, полная покорность начальству и сильным мира сего — основные черты Акакия Акакиевича в ленинском восприятии. Объективная роль Акакия Акакиевича — участие в чиновничьей системе, на которую опиралась монархия, есть его позиция в классовой борьбе. Правда, умирая, Акакий Акакиевич «сквернохульничал» в бреду, произнося хульные слова непосредственно вслед за словом «ваше превосходительство». Правда, мистический призрак Акакия Акакиевича появился после его смерти и содрал шинель с того самого его превосходительства. Но все эти черты гоголевского образа не оказались существенными в восприятии Ленина.

*

В ленинских работах перед нами наглядно раскрылась новая жизнь гоголевских образов. Эпоха, в которую гоголевский образ служил Ленину оружием идеологической борьбы, расстановка сил на соответственном этапе борьбы давали

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 232—233.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 489.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 327.

образу в каждом конкретном случае своеобразную трактовку, выявляя в нем новые, затененные ранее черты. Каждый гоголевский образ звучал по-иному, получал новое классовое содержание и новую социальную функцию. И вместе с тем — в этом тайна художественного творчества — образ воспринимался как гоголевский, как старый знакомый. Образ узнавался.

Именно это претворение юмора в сатиру объясняет нам, почему на образах Гоголя легче, чем на примерах многих других авторов, проследить особенности ленинской трактовки художественных образов. Если речь идет, например, об образах Салтыкова-Щедрина, то они сами по себе являются политически заостренными. Ленин еще более заостряет их, поднимает их на высшую ступень, но сравнение с его трактовкой исходного щедринского образа, насыщенного ярким и гневным сарказмом, не так показательное. Пример Гоголя в этом случае позволяет в более отчетливом виде рассмотреть все те процессы, которые приводят к новой жизни художественных образов в работах Ленина.

Если взять в целом все этапы жизни социально-заостренного образа в произведениях Ленина, то бросится в глаза еще одна особенность. Трактовка образа у Ленина все острее, и враг, разоблачаемый художественным образом, оказывается все более и более опасным на каждом следующем историческом этапе. Политическая идеология образа эволюционирует в ходе исторических событий все более и более «вправо», если можно так выразиться. Народник 90-х годов, кадет и меньшевик в 1905 году, наконец, каутскианец в эпоху мировой войны — эта эволюция Манилова чрезвычайно характерна. В самом типе этой эволюции, в насыщении образа все более и более острыми чертами все более и более опасного классового врага отражается общая линия революционного развития: все более и более напряженная революционность сменяющих друг друга ситуаций, концентрирование врагов в двух лагерях, стягивание их к двум полюсам. Процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и победа пролетарской революции отражаются в этой особенности, как солнце в малой капле воды.

В самом начале нами был поставлен вопрос о видимом «противоречии» ленинских оценок Гоголя: то он трактовался как антагонист Белинского и реакционер, то «идеи Белинского и Гоголя» ставились в один революционный ряд. Данная выше расшифровка этого видимого противоречия подтверждается и на основании приведенного здесь разбора новой жизни гоголевских образов. В первом случае идет речь о Гоголе — авторе «Выбранных мест из переписки с друзьями», во втором о Гоголе — авторе художественных образов, но-

сивших в себе — *объективно* — антикрепостническую тенденцию и работавших — *объективно* — на расшатывание и сокрушение крепостнического строя. Апологетика умирающего дворянства, присущая ряду гоголевских образов, преодолевалась основным для этих образов противоречием: гоголевский образ таил в себе, в своем юморе, огромную художественную разоблачительную потенцию. Ленин выявил эту потенцию и превратил ее в кинетику острейшей революционной борьбы.

ПУШКИНСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕЧЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА

В числе любимейших поэтов Ленина был Пушкин.

Ленин постоянно читал и перечитывал Пушкина. Н. К. Крупская вспоминает, как в сибирской ссылке Ленин находил отдых в чтении Пушкина, Лермонтова, Некрасова, причем, Пушкин стоит в этом ряду на первом месте. «Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина»¹, — пишет Н. К. Крупская. О том же говорит в своих воспоминаниях и П. Н. Лепешинский: «Он (Ленин) никогда не прочь, в очень редкие минуты своего отдыха, заглянуть в какой-нибудь томик Шекспира, Шиллера, Байрона, Пушкина...»².

Свидетельство о таком же отношении к Пушкину сохранилось и в воспоминаниях Н. Л. Мещерякова: «Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием...»³.

В произведениях Ленина встречаются многие образы, созданные мировой литературой. Чаще всего Ленин пользуется ими для острых сатирических разоблачений. Образы Иудушки Головлева, Тартюфа, Ноздрева, Хлестакова, Обломова помогают Ленину разоблачить предателей, двурушников, трусов, ренегатов, обывателей. Понятно поэтому, что наиболее часто Ленин цитирует Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Гончарова (образ Обломова). Образы Пушкина встречаются реже. На первый взгляд кажется даже, что в цитировании

¹ Н. К. Крупская. О Ленине. Сб. статей и выступлений. М., Политиздат, 1965, стр. 92.

² В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., «Художественная литература», 1967, стр. 649.

³ Там же, стр. 652

Лениным пушкинских образов и речений нет ничего особо своеобразного, никакой темы для историко-литературного исследования. Но если присмотреться внимательнее, обнаруживается очень интересная тема исследования — новая жизнь пушкинского образа в тексте Ленина.

Взрыв сатирического ядра некоторых пушкинских образов в работах Ленина

Ленин чаще всего вводит в свою речь те пушкинские образы, в которых имеется сатирическая потенция. Таков, например, образ «дьяка, в приказах поседелого» в «Борисе Годунове», хотя образ этот и дан Пушкиным не в плане сатиры, а для характеристики величавости и смирения, бесстрастия и спокойствия летописца Пимена. Спокойствие его нравится Григорию:

Как я люблю его спокойный вид...

Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева¹.

Но все же в образе дьяка, поседелого в приказах, затаилась сатирическая, разоблачительная потенция, раскрытая Лениным.

В январе 1901 года четыре полицейских служителя убили крестьянина Тимофея Воздухова. Воздухов подъехал к губернаторскому дому и хотел заявить какую-то жалобу, его отправили «в часть» под предлогом «вытрезвления», там избили до потери сознания, изломали ребра, и на следующий день он умер. Убийц судили «сословные представители», которые приняли все меры, чтобы как можно более «смягчить» кару, «уладить» неприятное дело. Ленин посвящает этому случаю взволнованную разоблачающую статью: «Бей, но не до смерти». Разве могли бы жалкие «сословные представители» разоблачить на этом суде всю мерзость самодержавного произвола, издевающегося над человеком? Ленин рисует образы этих «представителей», противопоставляя им образы опытных судей-крючковторов царского суда: «Вот волостной старшина... конфузющийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч., в 10 т. Т. 4. М., Гослитиздат, 1960, стр. 217.

мужичьи руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом — судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседы, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостойно судить суд улицы»¹. Классовое содержание хлынуло в пушкинский образ. Сатирическая потенция образа, сконцентрированная у Пушкина в каком-то не сразу даже заметном углу этого художественного обобщения, маленькое сатирическое ядрышко, пребывающее в покое, пока говорит речь Григорий, вдруг взрывается в ленинском тексте. И около этого образа у Ленина сконцентрированы не термины, не простые упоминания социальных категорий — кулак, купец, а *образы* этих категорий, созданные самим Лениным в живой форме художественного обобщения.

Слова летописца Пимена «не мудрствуя лукаво» давно получили широчайшее хождение. И в самом тексте «Бориса Годунова», и в обыденной речи они имеют прежде всего положительный характер. Это хорошо, это правильно, описывать «не мудрствуя лукаво». Это — путь, который указывает Пимен Григорию как своему преемнику по летописанию.

...В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь...²

И в живой речи совет действовать попросту, «не мудрствуя лукаво», чаще всего воспринимается как положительный — «мудрить», мол, нечего. Но пушкинское речение включает в себе ядро сатирической потенции. И опять оно буквально взрывается у Ленина при разоблачении народнической экономии в работе «Развитие капитализма в России». «Отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям» связано с процессами пролетаризации. А для мудрецов от народнической экономической «науки» крестьянин, ушедший на «подсобный заработок» в отхожий неземледельческий промысел, остается крестьянином земледельцем! «С официальной точки зрения, эти «промышленники» — крестьяне-земледельцы, имеющие лишь «подсобные заработ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 409.

² А. С. Пушкин. Собр. соч., в 10 т. Т. 4, стр. 221.

ки», и большинство представителей народнической экономики усвоило, не мудрствуя лукаво, эту точку зрения. Несостоятельность ее, после всего изложенного выше, нет надобности доказывать подробнее¹, — пишет Ленин. Простота «не мудрствующих лукаво» народников действительно оказывается хуже воровства!

«Еще одно, последнее сказанье» — эпически-торжественно звучит у летописца Пимена. Эту эпическую торжественность Ленин в своей цитации сохраняет, но присваивает этой эпичности сатирическую, разоблачительную функцию.

Речь идет о меньшевике Неведомском, фальсифицирующем истинный образ Льва Толстого. Перед этим в ленинском тексте только что разоблачена фальсификация образа Толстого, произведенная Базаровым. Далее разоблачается празднословие Неведомского. «Еще одно, последнее сказанье», — пишет Ленин. Неведомский не видит всей сложной противоречивости Льва Толстого, утверждает, что он весь вылит из единого чистого металла. Ленин пишет: «Уф! Говорит красно — и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз не* за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память»².

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», — эти слова Пушкина в ленинском тексте выполняют острейшую разоблачительную функцию. Трижды — на самых различных этапах борьбы привлекает Ленин эти пушкинские слова. Первый случай относится к работе Ленина, разоблачающей народническую экономику и экономическую теорию Сисмонди, — «К характеристике экономического романтизма» (1897 г.). Ленин пишет: «Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тот с беспощадной откровенностью делал все выводы из наблюдения и изучения буржуазного общества: он формулировал открыто и существование производства ради производства, и превращение рабочей силы в товар, на который смотрят так же, как на всякий другой товар, — и то, что для «общества» важен только чистый доход, т. е. только величина прибыли. Но Рикардо говорил совершенную правду: *на деле все обстоит именно так*. Если эта истина казалась Сисмонди «низкой истиной», то он должен бы был искать причин этой низости совсем не в теории Рикардо и нападать совсем не на «абстракции»; его восклицания по адресу Рикардо относятся целиком к области «нас возвышающего обмана»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 569.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 94.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 198—199.

Работа Ленина «К вопросу о национальной политике» написана в 1914 году. В это время царская Россия задыхалась в погромной атмосфере.

«Эта атмосфера,— пишет Ленин,— чувствуется ежедневно всяким сколько-нибудь сознательным и внимательным человеком в нашей стране. Но не все имеют достаточно мужества, чтобы дать себе ясный отчет *в значении* этой погромной атмосферы. Почему царит у нас такая атмосфера? Почему *может* она царить? Только потому, что страна переживает на деле состояние плохо прикрытой *гражданской войны*. Кое для кого очень неприятно сознаться в этой истине, кое-кому хочется надеть на это явление покрывало. Наши либералы, и прогрессисты и кадеты, особенно любят сшивать такое покрывало из лоскутков совсем почти «конституционных» теорий. Но я позволяю себе думать, что нет более вредной, более преступной для народных представителей вещи, как распространение с трибуны Государственной думы «нас возвышающего обмана»¹.

Наконец, тот же пушкинский образ возникает на страницах знаменитой ленинской работы «О продовольственном налоге» (1921 г.). «Мы боимся посмотреть прямо в лицо «низкой истине» и слишком часто отдаем себя во власть «нас возвышающему обману». Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы». Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5 мая 1918 года, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь»².

«Услышишь суд глупца...»,— эти известные слова из пушкинского сонета «Позту» взяты Лениным как заглавие работы, изданной в 1907 году и преследовавшей цели разоблачения неправильной оценки политического положения перед выборами во II Государственную думу. Нельзя прикрывать стремление столкнуться с предающей революцию буржуазией разговорами о том, что в Петербурге-де существует

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 65.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 227—228.

«только одна» черносотенная опасность. «Опасность черносотенного *исхода* выборов в Петербурге есть *обман народа*, распространяемый кадетами, «радикалами» и всякими оппортунистами и служащий интересам *обывательщины* в политике. Сказка об этой черносотенной опасности служит *на деле* интересам кадетов,— которых она помогает ограждать от *опасности слева*,— служит *отуплению* масс, которых не заставляют в самом акте голосования отличить «законодательствующего» кадета-буржуа от социалиста, ведущего народ на борьбу»¹.

Эта ленинская брошюра с пушкинским заглавием была доставлена в цензуру, и цензор нашел, что брошюра, «помимо чисто политического материала, содержит явные призывы к учинению преступных деяний». На брошюру с пушкинским названием был наложен арест — было постановлено ее уничтожить.

Глубоко лирические слова Татьяны в «Евгении Онегине» — «А счастье было так возможно, так близко!..» — несут в тексте Ленина также сатирическую, разоблачительную функцию. Ленин привлекает их для разоблачения предательской роли кадетов, победивших на выборах в I Государственную думу. В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906 г.) Ленин пишет: «Если восстание будет подавлено,— истощенный борьбой победитель, может быть, окажется вынужденным поделиться доброй половиной власти с кадетской Думой, которая усядется за пирог и примет резолюцию сожаления по поводу «безумства» вооруженного восстания в такой момент, когда действительное конституционное устройство было, дескать, так возможно, так близко... Были бы трупы, а черви всегда найдутся»².

Лиричность пушкинских слов лишь подчеркивает эту сатирическую гневно-разоблачительную функцию, которую придал этим словам Ленин.

Те сатирические образы Пушкина, где уже в авторской трактовке вскрыта их разоблачительная потенция, так и переходят в текст Ленина как разоблачительные, сатирические. В известной эпиграмме на анонимного критика «Ех ungue leonem» Пушкин пишет, что узнал его «по ушам»:

Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз³

В 1903 году в немецкой социал-демократической печати нет-нет, да и проявлялись группки немецких литераторов, интриговавших в пользу ликвидаторов. «В немецкой с.-д. печати очень часто пишут члены таких группок... но узнать «по

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 283—284.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 311—312.

³ А. С. Пушкин. Собр. соч., в 10 т. Т. 2, стр. 131.

ушам» подобную публику совсем не трудно»,— заканчивает Ленин свою статью «Заграничные группки и русские ликвидаторы»¹. Я не останавливаюсь на Плеханове — «льстивом царедворце», этот образ (опять из «Бориса Годунова») приведен Лениным как цитата чужого текста и поэтому не имеет авторского момента в интерпретации². Но «разбитое корыто», у которого осталось царское правительство со своей переселенческой политикой, конечно, должно быть отмечено. Обратный переселенческий поток, по свидетельству правительственного же агента, составлял не одну сотню тысяч душ. Речь шла о 1911 году. «Не ясно ли, что всего через шесть лет после революции правительство снова возвращается к *разбитому корыту*?» — спрашивает Ленин и выделяет курсивом сатирический образ пушкинской сказки о рыбаке и рыбке³.

Из иронических речений «Евгения Онегина» Ленину, видимо, особенно нравились «Намеки тонкие на то, чего не ведает никто». Три раза встречается это выражение в текстах Ленина на острые моменты политической борьбы. В 1904 году меньшевистская редакция новой «Искры» выдвинула вопрос о разногласиях с большевиками по организационным вопросам. «К сожалению, в чем именно состоят эти разногласия, редакция не спешит указать определенно, ограничиваясь по большей части намеками на то, чего не ведает никто»,— пишет Ленин в предисловии к брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»⁴. Двойственная политика Плеханова по вопросу о предании гласности партийных разногласий (1904 г.) разоблачается тем же пушкинским изречением, сопровождаемым — такой же случай уже был отмечен выше — образной ленинской речью; Плеханов, с одной стороны, якобы не хочет выносить «дрязги» на суд улицы, а с другой — сам же публикует статьи с намеками на эти же «дрязги»! Ленин разоблачает Плеханова, прибегая к помощи художественного образа: «Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков на то, чего не ведает никто. Тогда окно захлопывается: не стоит-де, говорить о *дрязгах*...»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 181.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 302.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 266.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 5—6.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 361.

Через семь лет, в 1911 году, те же пушкинские строки появляются в ленинской работе «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве». Ленин пишет: «Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития,— те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля»¹.

В работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин разоблачает бундовца Медема, противопоставляющего «с ученым видом знатока» автономию и земство². Это замечание и в пушкинском, и в ленинском текстах носит одинаково иронический характер.

Трагические пушкинские образы у Ленина

Замечательна жизнь некоторых высоко трагических пушкинских образов в тексте Ленина. Их трагичность глубочайше раскрывается Лениным, заполняется новым историческим содержанием. Много споров велось и ведется вокруг знаменитых пушкинских слов «народ безмолствует» в «Борисе Годунове». Угроза власти, грозный народный гнев, могучая народная сила — еще не проявившиеся, но могущие проявиться — пронизывают этот пушкинский образ. Народ может восстать — народ восстанет. Этот пушкинский образ глубочайше продуман и прочувствован Лениным. Из обстановки отдаленного исторического прошлого, с московской площади начала XVII века, образ этот перенесен Лениным в историческое настоящее — в январь 1905 года. Этот образ встречается в короткой, насыщенной величайшим революционным пафосом статье «Революционные дни». Всего несколько дней назад узнал Ленин о «кровавом воскресеньи» — 9 января. Еще нет ни одного нового события развивающейся революции — только одно 9 января. Но Ленин спрашивает: «Бунт или революция?» и отвечает: «Революция!» Еще в стране видимый «покой» — все «молчит», но молчание это уже говорит громким голосом приближающегося восстания. История учит — ее сегодняшние уроки «пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ» и где в бли-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 186.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 148.

жайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар», — пишет Ленин¹. Пушкинский образ насытился содержанием великого 1905 года. И в то же время широчайше раскрыто его огромное, затаенное содержание — раскрыто в прямых, ясных, отчетливейших словах: в ближайшем будущем «вспыхнет революционный пожар». Сразу ясно, в каком направлении продумывал Ленин и как именно понимал он этот пушкинский образ.

Другой трагический пушкинский образ, раскрытый Лениным, тоже взят из «Бориса Годунова». Образ мучающего Бориса кошмара — «мальчики кровавые в глазах» — прозвучал, может быть, неожиданно, в политическом отчете ЦК, сделанном Лениным 7 марта 1918 года на VII съезде партии. Ленин говорит о необходимости заключения мира. «...Мир есть средство для накопления сил», — говорит Ленин. «Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать — сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, — только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба»². Этого не может понять газета «Коммунист», орган группы «левых коммунистов», говорящая о «позоре» мира. Газете этой следует «носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь», — говорит в своем докладе Ленин. Но решение о мире надо принять — как бы тяжело это ни было, — здесь нечего апеллировать к чувству. «...Когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, — пишет Ленин, — позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами»³. Здесь пушкинский образ выступает в совершенно новом качестве, становясь обобщенным образом страшных злодеяний, которые несла с собой мировая империалистическая война.

Наконец, еще одно пушкинское обобщение, также трагическое по существу. Речь идет об известном пушкинском высказывании о «русском бунте бессмысленном и беспощадном». Употребление этого обобщения у Ленина должно вызвать особое внимание историков и пушкинистов. Чтобы разобраться в этом, необходимо помнить об особенностях отношения Пушкина к массовому движению.

Пушкин боялся «пугачевщины», боялся крестьянского восстания. Эта же боязнь характеризует дворянских револю-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 208.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 22.

³ Там же.

ционеров, декабристов, к идеологии которых тесно примыкали политические взгляды Пушкина. Ленин отмечал классовую ограниченность дворянской революции, но в то же время дал декабристам почетное название революционеров.

Пушкин, повторяю, боялся крестьянского бунта, он был решительным противником «пугачевщины». Но как далеко отношение Пушкина к массовому движению от дворянских проклятий «пугачевщине», от языка озверелых врагов массового движения! Пушкин пристальнейшим образом, с глубочайшим и спокойным вниманием историка изучал и самого Пугачева, его восстание и художественно воспроизводил их. С 1823 года, может быть, даже несколько раньше, Пушкин ставит под сомнение тактику военной революции декабристов и глубочайшим образом задумывается над проблемой народного движения. Разумеется, ничто в эпоху Пушкина не могло подсказать ему правильного решения: эпоха после поражения декабристов — это уже начало той «всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»¹. Глубоким раздумьем над массовым народным движением проникнуты и «Борис Годунов», и «Капитанская дочка», и «Дубровский», и «История Пугачева», волею Николая I превратившаяся в «Историю Пугачевского бунта». Как бы ни оценивать отношение Пушкина к Пугачеву, ясно одно: в пушкинском образе Пугачева нет классовой дворянской ненависти и животного страха перед массами. Но эта ненависть и животный страх перед массовым движением с невероятной силой вспыхнули у российских помещиков и буржуазии в эпоху революции 1905 года и в последующие годы. Дворянско-буржуазная печать этого времени без каких бы то ни было «прав» на это потащила в арсенал своего омерзительного оружия и знаменитую пушкинскую формулировку о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Именно ненавистью, омерзением и животным страхом заполнила она эти задумчивые пушкинские слова, истрекала их в лохмотья, вывесила их на своем контрреволюционном знамени. Заметим между прочим, что не раз и в литературоведении возникала эта формулировка как упрек Пушкину, как доказательство его «неревolucionности», причем авторы упрека не давали себе труда вернуть пушкинской формулировке ее авторский первоначальный смысл, очистить ее от налипшей на нее грязи союза Михаила-архангела и кадетско-октябристских толкований.

Крестьянское движение, взятое изолированно от борьбы рабочего класса, не носит в себе возможности победы. Сти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

хийные, разрозненные, не освещенные политическим сознанием, лишенные руководства, крестьянские восстания обречены на неудачу.

В 1899 году Ленин написал «Проект программы нашей партии», в котором поставил вопрос об отношении революционного пролетариата к крестьянскому движению. В тексте, определяющем это отношение, Ленин применил пушкинскую формулировку «о русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Он наполнил ее совершенно новым содержанием, сконцентрировав в ней образное определение крестьянской политической неразвитости и темноты, того, что отличает крестьянское движение от сознательной революционной борьбы. «Наличность революционных элементов в крестьянстве, пишет Ленин,— не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять *носителем* революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая *обусловила бы* революционность своего движения революционным настроением крестьянства»¹.

Ленин употребил пушкинское речение в точном пушкинском смысле.

Мы видим, как своеобразна жизнь пушкинских образов в текстах Ленина.

Настоящая работа не преследовала цели исчерпать тему. Но из сказанного ясно, что тема эта заслуживает внимания и представляет интерес не только для литературоведа и историка, но и для всех, кто задумывается над функцией художественного образа в историческом процессе.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228—229.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вдумываясь в то, как применяет Ленин художественные образы русской литературы в своей речи, в текстах своих работ, мы приоткрываем для себя одну из сторон лаборатории Ленина.

Пользуясь знакомым литературным образом, Ленин говорит с читателем на равных, он никогда не вставляет пояснительных фраз к образу, не вводит, скажем, комментаторских фраз, типа: «Как выразился Гоголь об одном из своих героев в поэме «Мертвые души» или «как сказал Пушкин в «Борисе Годунове» или в «Евгении Онегине»... Нет, Ленин говорит прямо, не давая пояснений, полагая, несомненно, что его читатель знает, что «народ безмолвствует» — это слова Пушкина из такого-то произведения, а Акакий Акакиевич — герой «Шинели» Гоголя. Это делает примененный им образ разительным, лаконичным, быстро и безотказно действующим, и в тоже время дружественным читателю. А не знаешь, что это из «Бориса Годунова», ничем не могу помочь, моя фраза об этом тебе ничего не разъяснит, ведь надо раньше самому узнать, понять, почувствовать художественное произведение, чтобы образы или слова из этого произведения узнавать сразу, в лицо, при внезапной встрече. Таков, по-видимому, подтекст этой манеры цитирования у Ленина. И она очень доходчива, совершенно лишена назидательно-поучающего тона.

Частота применения литературных образов, причем, как правило, при постановке и решении трудных, острых, сложных тем и проблем показывает, каким высоким доверием пользовалась подлинная художественная литература у Ленина, как любил он ее, как высоко ценил ее функцию. И вместе с тем видно, как легко мобилизовался нужный образ, всегда «наготове» лежавший в ленинской памяти.

Видим мы и индивидуальное, своеобразное понимание Лениным ряда художественных образов, подчас отличаю-

щееся от общепринятого, традиционного, графического (например, понимания образа Шпоньки, Держиморды, ряда пушкинских образов и речений).

Раскрытие образа на *новой* социальной и временной основе, обогащение его *новым* историческим содержанием, *новая жизнь* художественного образа *в новой эпохе* — для размышлений обо всем этом богатый материал представляют нам работы Ленина.

Над ними стоит подумать и поработать. А работа эта только начинается...

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин о литературе и искусстве. Издание 3-е. М., «Художественная литература», 1967.

Мейлах Б. С. *В. И. Ленин и художественная литература.* М., «Знание», 1960.

Щербина В. Р. *Ленин и вопросы литературы.* Издание 2-е. М., «Наука», 1967.

Уханов И. П. *Образы художественной литературы в трудах В. И. Ленина.* М., Политиздат, 1965.

Макарова Е. Систематический указатель цитат из Щедрина в произведениях Ленина.— «Литературное наследство», 1933, № 11—12, стр. 393—470.

Цейтлин А. Литературные цитаты Ленина. М., 1934.

Черневич М. Н. Указатель упоминаний Гоголя и героев Гоголя в сочинениях В. И. Ленина.— В кн.: М. В. Нечкина. Гоголь у Ленина. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 42—60.

Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе.— В сб.: «Содружество наук и тайны творчества». М., «Искусство», 1969, стр. 61—98.

СОДЕРЖАНИЕ

О ТЕМЕ	3
НЕСКОЛЬКО ОБРАЗОВ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА У В. И. ЛЕНИНА . .	6
Метаморфозы Иудушки Головлева . .	6
«Севрюжина с хреном» и щедринское «Но!..»	11
ГОГОЛЕВСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА	13
Ленин о Гоголе	14
Четыре превращения Манилова . . .	17
Хлестаков и Ноздрев	28
Черносотенец Собакевич	33
Дама, приятная во всех отношениях .	35
Держиморда	36
Бобчинский и Добчинский	39
О городничем, о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, о главной черте Ивана Федоровича Шпоньки и о прочем...	41

ПУШКИНСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕЧЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА	48
---	----

Взрыв сатирического ядра некоторых пушкинских образов в работах Ленина	49
--	----

Трагические пушкинские образы у Ленина	55
---	----

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	59
-----------------------------	----

ЛИТЕРАТУРА	61
----------------------	----

Милица Васильевна НЕЧКИНА

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В. И. ЛЕНИНА**

Редактор *А. С. Курилов*
Обложка *Л. Е. Горячкина*
Худож. редактор *Л. С. Морозова*
Техн. редактор *Л. А. Муравьева*
Корректор *Н. П. Бут*

А 01990. Сдано в набор 16/IX 1969 г. Подписано к печати 24/X 1969 г. Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 2,0. Печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,49. Тираж 147 000 экз. Издательство «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 2338. Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 12 коп.

12 коп.

**Индекс
70069**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1969**